

МАЛЬТІЙСКІЙ

Р Ы Ц А Р Ъ.

Англинскій Романъ,

сочиненіе

Миссъ Портеръ.

Переводъ съ Французскаго

Г. Трескина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О Р Е Л Ъ.

Въ Типографіи Сытина.

1823.

Печатать позволяется съ
тѣмъ, чтобы по напечатаніи,
до выпуска изъ Типографіи,
представлены были въ Цензур-
ной Комитетъ: одинъ экзем-
пляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Де-
партаментъ Министерства
Просвѣщенія, два экземпляра
для Императорской Пуб-
личной Библиотеки и одинъ для
Императорской Академіи
Наукъ. Москва 1821 года,
Сентября 19 дня. Сію рукопись
разсматривалъ Ординарный
Профессоръ, Коллежскій Со-
вѣтникъ

Тимоѳей Перелоговъ.

МАЛЬТІЙСКІЙ РЫЦАРЬ.

Г Л А В А I.

Въ теченіи двухъ недѣльнаго пребыванія своего подъ одною кровлею съ Синьорою Бриньолешши, Жіованни научился лучше познавать ея прелести и недостатки. Частые его съ нею разговоры, ласковые поступки и искренніе совѣты, должны были показать Беатрисѣ, что онъ нимало не намѣренъ измѣнить своему другу, сшараясь снискать любовь ея; но одно уже долгое пребываніе его въ Кавино, показало сей молодой дѣвицѣ доспащочнымъ призна-

комъ его къ ней расположенія. — Привыкнувъ слышать отъ всѣхъ только лестныя себѣ похвалы, Беатриса почитала колкими иѣ упреки, какіе онъ дѣлалъ ей за ея вѣтренность, праздношъ и спрашъ себя выказывашъ. — Она не замедлила примѣшпть, что взоры раскаянія очень пристали къ ней, и потому не щадила ни ихъ, ни обѣщаній исправитъся. Жіованни не могъ не согласитъся съ самимъ собою, что простота ея была любезна; но скоро увидѣлъ до какой степени проспиралась ея суешность, потому что она нимадо не думала исполнитъ своихъ обѣщаній. Беатриса не была еще столько опышна, чтобы управлять своими склонностями и скрывать свои мысли, до того времени, пока до-

спигнетъ цѣли. Смотрѣть на Жіованни пылкими взорами, блиставшими сквозь слезы; просить его нѣжнымъ дѣтскимъ голосомъ, чтобы онъ выслушалъ ея признаніе, были единственными ея удовольствіями. Часто сожалѣла она о томъ, что и въ половину не была столько добродѣтельна и умна, какъ онъ; благодарила его за благородную строгость и жаловалась ему на Цезаря, ласкавшаго самымъ страннымъ ея желаніямъ; — тутъ она не забывала однакожъ всегда прибавлять: „Ахъ! какъ онъ меня любитъ!“

Жіованни замѣтилъ, что къ симъ словамъ Беатриса никогда не присовокупляла выраженія, которое бы показывало ея взаимную любовь; но не догадываясь еще, что самъ былъ

главною причиною ея поступковъ, онъ сдѣлалъ заключеніе, что надежда его друга была тщетная, — и что рано или поздно должна исчезнуть совершенно. — Эта мысль поражала его; ибо зная пылкость характера Цезаря, онъ не могъ себѣ вообразить, каково будетъ тогда его отчаяніе? — Жіованни утѣшался однако же тою мыслию, что по крайней мѣрѣ характеръ Беатрисы не замедлитъ рано или поздно открыться глазамъ Цезаря, и что тогда сей послѣдній, послѣ перваго порыва горести, станетъ наконецъ радоваться, избѣжавши ея сѣтей.

Скоро нужныя дѣла потребовали присутствія Жіованни въ Генуѣ, и онъ проспился съ любезною Синьорою Кальва. Беатриса, узнавши о его отъ-

Вздѣ , обвѣвила также , что и сама не останеться : Она пригласила къ себѣ Жіованни и онѣ далѣ ей слово пріѣхать въ Палаццо-Россо. По пріѣздѣ въ Геную , всходя на лѣстницу своего дома , Шигала почувствовалѣ , что кто то обнялъ его сзади ; — оглянувся и увидѣлъ Цезаря. — Жіованни бросилса въ объятія своего друга , извѣвляя живѣйшую нѣжность.

„Я сей часѣ присталѣ къ берегу ,“ сказалѣ Цезарь . „и только что успѣлъ дасть знать правительству о успѣхѣ моихъ предпріятій.“

Физиономія его еще прежде говорила о побѣдѣ , и Жіованни могѣ бы догадаться о томъ безѣ его подтвержденія. — Цезарь вспрѣпилѣ Алжирскаго жорсара , и сѣѣпилса сѣ нимѣ

на abordажь. Сраженіе было жестокое, и ударъ сабли одного Мавра едва не лишилъ его руки; но толпа опчаяннхъ женщинъ и дѣтей молились за него, — и небо вняло ихъ моленіямъ. — Цезарь взявши непришельское судно на буксиръ, присталъ къ Тосканской деревнѣ, разграбленной Маврами. — Ни слова Цезаря, но взоры его изобразили Жіованни радость несчастныхъ, возвращенныхъ въ свои жилища; восторги женщинъ и дѣтей, бросавшихся въ объятія супруговъ, родителей и братьевъ, коихъ никогда уже не надѣялись увидѣть. „Мы всѣхъ ихъ возвратили!“ сказалъ Цезарь и не могъ болѣе продолжать; а Жіованни, который самъ нѣкогда ощущалъ подобное удовольствіе, своимъ воображеніемъ допол-

нилъ картину, которую другъ его только лишь начерталъ.

Когда онъ нѣсколько успокоился, то Жіованни завелъ рѣчь о Беатрисѣ, рассказавъ какимъ образомъ съ нею познакомился. Ничто не могло сравниться съ удивленіемъ и удовольствіемъ, которыя почувствовалъ Цезарь услышавъ о сей новости. Онъ сдѣлалъ ему тысячу вопросовъ: “ ну чтожъ? мила ли она? не находишь ли ты ее прелестною? можно ли въ свѣтѣ найти дѣвицу лучше ее? и при всемъ томъ она такъ невинна!” Жіованни во всемъ съ нимъ соглашался; — но Цезарь не могъ замѣпить, сколько опивѣшды друга его были холодны и крапки: — онъ былъ доволенъ тѣмъ, что другъ его и возлюбленная

познакомились, и ничего болѣе не требовалъ.

Будущность предуготовляла ему щасливѣйшій жребій. Быстро шелъ онъ по пути чести, — и могъ надѣяться, что фортуна не замедлитъ награждать его. Беатриса его любила; Маркиза была къ нему благосклонна, и наконецъ отличная почестъ оказана была памяти его родителя.

„Еще нѣсколько минутъ,“ вскричалъ онъ въ радостномъ восторгѣ, „и я буду владѣть щасіемъ, которое ощущаю теперь только по одной надеждѣ. О, Жіованни! какъ бы я желалъ!...“ онъ остановился; а другъ его продолжалъ за него:

„Ты желалъ бы, не правда ли, чтобъ я имѣлъ любовницу столь же прекрасную, какъ

Беатриса? но въ моемъ сердцѣ нѣтъ мѣста для другаго чувства, кромѣ дружбы.“

— „Ты слишкомъ на себя надеешься, остерегись! любовь когда нибудь тебѣ отмститъ за себя.“ — „Я не хочу ни сопротивляться ей, ни ее спрашивать.“

Этотъ разговоръ происходилъ въ передней дома. Окончивши оный, Жіованни пожалъ руку своего друга, и они разстались.

Цезарь избралъ упренніе часы для посѣщенія Палаццо-Россо, потому что въ это время Маркиза была у обѣдни. Его нечаянное появленіе, пылкость, лавры недавно пожатыя, рана имъ полученная, и къ тому же упреки совѣсти, чувствуемые Беатрисою, заставили ее сдѣлать ему прога-

тѣльный пріемъ, котораго безъ того онъ конечно не имѣлъ бы. Когда онъ началъ говорить о Жіованни, то она слушала его съ большимъ вниманіемъ, и отвѣчала съ жаромъ; но когда онъ взялъ руку ея, чптобъ напечатлѣть на оной тысячу поцѣлуевъ, тогда внутреннее неудовольствіе, и перемѣна происшедшая въ чувствахъ, заставили ее сдѣлать слабое сопротивленіе, котораго Цезарь до селъ со стороны ея не испытывалъ, и которое усугубило его блаженство непонятнымъ для него образомъ.

Цезарь бросился къ ногамъ ея, выразилъ ей свои желанія и сдѣлалъ тысячу прозъбъ. Онъ до такой степени былъ счастливъ, что чувствовалъ необходимость весь свѣтъ сдѣлать участникомъ своего бла-

гополучія. Обманутий слѣпою спрастію, онѣ умолялъ Беатрису дать ему позволеніе признаться въ оной Маркизѣ, и просить ея согласія на союзѣ ихѣ въ то время, какѣ получивъ награду за свое мужество, или изѣ добычи имѣ взятой, или ту, которую предложивъ ему щедрое отечество.

Беатриса слишкомъ хорошо знала чувства своей матери, и слишкомъ мало полагалась на собственное свое сердце, чтобѣ согласиться на пребываніе Цезаря. Не потому, чтобѣ отказѣ Маркизы могѣ огорчить ее; но она предвидѣла, что если Цезарю откажутѣ отѣ дома, то и Жіованни никогда у нихѣ не будетѣ, что заставило бы ее совершенно отказатѣся отѣ плановѣ, копо-

рые она не совсѣмъ еще составила. Хитрость рождается отъ боязни и отъ дурной совѣсти, и Беатриса, безъ всякаго размышленія, припворилась раздѣляющею восторгъ своего любовника; но для того только, чтобъ лучше обязать его не отваживаться преждевременнымъ признаніемъ навлечь на себя неудовольствіе Маркизы, и чрезъ то лишиться входа въ домъ ея. Причины, представленные ею для отвращенія его отъ откровеннаго поступка, не имѣли никакой важности; но она такъ очаровала его своею пріятною прозвобу; столько показала любви; такъ увѣряла въ истиннѣ словъ своихъ, что Цезарь, переставъ ей противорѣчить, уступилъ прелести, которою она обладала, и совершенно былъ нахо-

нецъ убѣжденъ въ томъ, что она одна была права.

Послѣ сего перваго свиданія, онъ всегда почти посѣщалъ ее вмѣстѣ съ Жіованни, который ежедневно болѣе и болѣе дѣлалъ неблагопріятныхъ замѣчаній на щетъ Беатрисы. Цезарь по своему характеру съ большою трудностію могъ худо мыслить объ особахъ, которыя были ему любезны, и потому стараніе Беатрисы понравиться Жіованни, казалось ему весьма натуральнымъ чувствомъ, заставлявшимъ ее желать быть любезною въ глазахъ друга того человека, котораго она любила. Жіованни же съ своей стороны, замѣчая особенное ея къ себѣ вниманіе, находилъ въ немъ нѣчто такое, что его беспокоило и весьма ему понравилось: По сей

причинѣ съ большимъ удовольствіемъ воспользовался онъ случаемъ, представлявшимся ему, оставивъ на нѣсколько времени Ишалію. Онъ получилъ письмо отъ двоюроднаго брата кавалера Фронзака, приглашавшаго его въ Гіенну, съ тѣмъ чіюбы вмѣстѣ продолжать поиски, посредствомъ которыхъ могли бы они наконецъ навѣрное узнать живы ли или умерли друзья, ими оплакиваемые. Жіованни почувствовалъ, что надѣжда найти сестру опять возрадалась въ душѣ его; ласкалась тѣмъ, что естли непостоянство Беатрисы пронзило нѣкогда сердце Цезаря, то ударъ сей нанесенъ будетъ по крайней мѣрѣ другою рукою, а не его.

Между тѣмъ, онъ размышлялъ однако же о средствѣ со-

общить другу свои опасенія, чтобы въ послѣдствіи, узнавши всю собственнымъ опытомъ, вспомнилъ онъ о словахъ его. Въ семъ намѣреніи принялъ, за день до отъѣзда своего, приглашеніе на ужинъ къ Синьоръ Кальвъ. Собраніе было многочисленное и Маркиза Бриньолеппи съ дочерью тамъ же находились. Весь вечеръ проведенъ въ игрѣ, разговорахъ и музыкѣ. Но Беатриса не принимала никакого участія въ сихъ забавахъ; она была весела, но принужденно, и всѣ старанія Цезаря не могли разсѣять облака задумчивости, помрачавшаго прекрасныя глаза ея. Цезарь замѣтилъ ея грусть, и чувствовалъ отъ того внутреннее удовольствіе, потому что приписывалъ оную разнесшемуся слуху, будто

Мал. Рыц. Ч. II. Б 2.

бы флотъ долженъ былъ гото-
 виться къ отплытію. Послѣ
 ужина всѣ молодые люди пош-
 ли наслаждаться пріятностію
 вечера въ одномъ изъ искус-
 венныхъ садовъ, которыми Ге-
 нуэзцы любятъ украшать кро-
 вли домовъ своихъ, сдѣланныхъ
 на подобіе террасъ. Цвѣтущіе
 куспарники образовывали ал-
 леи, въ коихъ все собраніе раз-
 дѣлилось на разныя группы.
 Беатриса остановилась подъ
 мрачною тѣнію кипариса, — и
 казалось погружена была въ
 горестныя мысли; она ощипы-
 вала, сама того не примѣ-
 чая, листочки цвѣтовъ гирлян-
 ды, украшавшей прекрасныя ея
 волосы. Сильное выраженіе
 страсти придаетъ красотѣ
 нѣчто божественное, — и въ
 первый разъ еще Цезарь ви-
 дѣлъ въ чертахъ лица Беатри-

сы, до селъ блиставшихъ только дѣтскою веселостью, благородную выразительность глубокой и горестной меланхолии.

Онъ подозвалъ къ себѣ Жіованни, чтобъ дать ему замѣнить эту занимательную физиономію, и попомъ подошедши къ Беатрисѣ, тихонько сказалъ ей о причинѣ взаимнаго ихъ удивленія. Слова сіи. возвратили Беатрисѣ всю ея веселость. Въ первый еще разъ она могла быть увѣрена въ томъ, что Жіованни находить ее прекрасною, и сердце ея затрепетало отъ радости. Она сдѣлалась внимательною даже къ страстнымъ рѣчамъ своего любовника думая, что онъ повторяетъ только слова Жіованни. Удовольствие сполна живо было написано на лицѣ Беатрисы, что Цигала, видѣв-

шій ее издали, но не знавшій о чемъ была рѣчь, не могъ не удивиться переменчивости ея духа. Но потомъ сдѣлавъ себѣ вопросъ: “ Не излишняго ли постоянства требовалъ отъ споль молодой дѣвицы ? ”

Подошедши къ нимъ ближе онъ сказалъ ей съ ласковымъ видомъ: “ Для чего вы сего дня не пѣли ? Я не могу вамъ простить вашихъ маленькихъ капризовъ, когда они лишаютъ меня удовольствія васъ слушать. ”

Беатриса улыбнулась прелестно, и обративъ на него глаза свои, наполненные слезами, сказала трогательнымъ голосомъ: “ Мнѣ было грусно; самыя мрачныя мысли занимали мою душу. ”

„За это я васъ не могу порицать, потому, что очень

часто выговаривалъ вамъ за излишнюю веселость," продолжалъ Жіованни.

Въ это время Синьора Кальва кликнула Цезаря, и Жіованни остался одинъ съ Беатрисою; онъ хотѣлъ было уйти отъ нее, какъ вдругъ она сказала ему: "Вы завтра насъ оставляете! объ этомъ-то я весь вечеръ и думала. Что со мною будетъ безъ вашихъ совѣтовъ?,"

Она произнесла сіи слова споль жалостнымъ голосомъ, и съ такимъ смущеннымъ видомъ, что Жіованни запрепеталъ, — и самъ едва не пришелъ въ замѣшательство; но опротививъ взоры отъ очаровательнаго лица ея, онъ отвѣчалъ съ спокойнымъ духомъ: "Размышленія суть наши лучи

шіе совѣтники, только надобно ихъ слушаться. “

„Нѣтъ . . . нѣтъ, “ сказала Беатриса съ важностію, “ я еще многому должна научиться. Вы дали мнѣ замѣщенья въ поступкахъ моихъ многіе недоспапки, о которыхъ я прежде и понятія не имѣла, и о которыхъ ни одинъ человекъ не сказалъ мнѣ съ такою искренностію, какъ вы. Еслибъ я всегда могла быть съ вами, то кажется не сдѣлала бы никогда ни одного безразсуднаго поступка. Долго ли вы будете въ отсуствіи? Возвращайтесь скорѣе къ намъ! “ Произнося сіи слова съ невинностію и живостію ребенка, она подобна была Ангелу.

Но Жіованни вспомнилъ, что Беатриса не была ни ангелъ, ни ребенокъ; что она дала уже

слово другому, и потому почелъ ее чрезвычайно нескромною. Однакожъ предполагая, что она желала скорого возвращенія его единственно съ тѣмъ, чтобы исправиться, и что почитала друга Цезаря достойнымъ довѣренности своей, онъ взглянулъ на нее съ безпокойствомъ и отвѣчалъ.

„Мое отсутствіе будетъ довольно продолжительно, и дастъ Адимарію время разрушить мои труды. Когда онъ спанетъ говорить вамъ, что величайшія ваши погрѣшности въ глазахъ его — прелести, то я не долженъ надѣяться, чтобы вы сохранили какое нибудь уваженіе къ сprogимъ моимъ замѣчаніямъ, или даже, чтобы когда нибудь объ нихъ вспомнили.“

Внезапная надѣжда заставила Беатрису вздрогнуть. Слова сіи показались ей внушеніемъ ревности, и эта мысль заставила ее открыть свои чувства. Одушевляемая единымъ желаніемъ, разрушивъ всѣ сомнѣнія Жіованни въ разсужденіи своей къ нему склонности, она съ живоспію вскричала :

„Мнѣ чрезвычайно наскучили похвалы, которыхъ я не заслужила, и потому я никогда не забуду вашихъ совѣповъ!“

Смущенія Жіованни показало Беатрисѣ, до какой степени она была нескромна. Замѣшивъ мысли его о своемъ поступкѣ, она вспыхнула отъ стыда, и не смѣя поднять взоровъ, сквозь слезы говорила : “Вы теперь никогда не увидите меня ни веселою, ни безразсуд-

ною . . . признательность я сочла за . . . за . . . сама не знаю за что; — попала въ лабиринтъ глупости и нещастья, и теперь должна переносить слѣдствія своего неблагоразумія. “

Жіованни, еще болѣе приведенный въ замѣшательство, произнесъ нѣсколько словъ, въ коихъ пожелавъ ей всевозможнаго благополучія съ поспѣшностію удалился. Онъ подошелъ къ маленькому кругу гостей, собравшемуся вокругъ поющаго Синьора Кальва и жены его, аккомпанировавшей ему на Лютиѣ. Цигала прищворился весьма внимательнымъ къ музыкѣ; но въ самомъ дѣлѣ размышлялъ о странномъ разговорѣ своемъ съ Беатрисою. Не называя Цезаря, она казалось хотѣла намѣкнуть объ немъ въ словахъ: “

Мал. Рыц. Ч. II.

В

ринтъ нещастья и глупости:“
 Не было ли это обѣщаніе дан-
 ное ею Адимарію? “Слѣдствіе
 ея неблагоразумія.” А чрезъ
 сіе не хотѣла ли она дать за-
 мѣтить горестъ свою о томъ,
 что выйдеть за мужъ за чело-
 вѣка, котораго перестала лю-
 бить, и къ которому чувство-
 вала можетъ быть только од-
 ну признашельность?

Жіованни не былъ тщесла-
 венъ, но не былъ также и
 сполько слѣпъ, чтобъ не ви-
 дѣть лестнаго для себя въ сло-
 вахъ, взорахъ, и даже тонѣ
 голоса Беатрисы. Было ли по
 кокетство, или истинная склон-
 ность; но только всѣо посту-
 покъ сей былъ обиденъ для Це-
 заря; и Жіованни, съ сего вре-
 мени, почелъ непремѣнною дол-
 жностью, быть опкровеннѣе,
 нежели прежде, когда колебалъ

ся еще между подозрѣніемъ о ея вѣтренности, и довѣренностью къ ея искренности. Огвѣздъ изъ Генуи назначенъ имъ былъ завтра, и потому одна только ночь оставалась для разговора съ Цезаремъ. Надеждало оправить нѣжное ихъ прощаніе внушеніемъ Цезарю сомнѣнія, которое долженствовало не только огорчить его, но и раздражить. Наступала минута испытать дружбу Цезаря, сопровивляясь любви его; и Жіованни видѣлъ себя принужденнымъ нанести жестокой ударъ сердцу, которое было для него драгоцѣнно, и возмутить или привязанность его къ себѣ, или страсть къ Беатрисѣ. Однакоже такъ какъ это было необходимо: то Жіованни съ твердостью, но не безъ горести, рѣшился испол-

нить свою обязанность. Онъ вмѣшался въ толпу молодыхъ людей, которые съ обыкновенною учтивостію сопровождали карету Маркизы съ факелами въ рукахъ до Палаццо-Россо; — а потомъ отвезъ домой Цезаря.

Вошедши въ его комнату, они сѣли у окна и начали говорить безъ всякаго принужденія. Окно было открыто, и изъ него видѣнъ былъ обширный садъ. — Ночь была тиха — и они не думая, чтобъ кто нибудь имъ помѣшалъ, разговаривали о путешествіи, въ которое Жіованни намѣренъ былъ пуститься по предположенной имъ цѣли. Цигала съ необыкновенною горячностію оплакивалъ безразсудный поступокъ сестры своей, и описывая несчастіе, произведенное въ своей

фамиліи тайнымъ бракомъ, старался отвратить Цезаря отъ подобнаго же нещасія.

„Если ты навѣрное узнаешь, сказалъ Цезарь, что сесипратъ твоя уже не существуетъ, или если всѣ усилія твои открытъ мѣстопробываніе ея, останутся тщетными: то что ты тогда намѣренъ дѣлать?“

— „Возвращусь въ Геную и стану вести уединенную и щасливую жизнь, украшаемую свободою и дружествомъ?“

— „Праведный Боже! не уже ли же ты рѣшаешься никогда не женишься?“

— „Я не принимаю никакого рѣшительнаго намѣренія въ этомъ случаѣ; но признаюсь, что не имѣю въ томъ желанія, и пошому не думаю, чтобъ когда нибудь это случилось.“

Мал. Рыц. Ч. II. В 2.

— „Не уже ли ты увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая могла бы сдѣлать тебя щасливымъ?“

— „Да, я такъ думаю.“

— „О! еспьлибъ я могъ найти для тебя другую Беатрису!“

Жіованни засмѣялся и покачалъ головою, а Цезарь взглянувъ на него съ удивленіемъ вскричалъ: „Ну чпожъ! не уже ли ты не доволенъ будешь любовью такой красавицы?“

„Признаюсь,“ сказалъ Жіованни съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, „меня не такъ легко удовольствовать какъ тебя.“

Удивленіе Цезаря еще болѣе увеличилось. — „Чѣмъ же не доволенъ ты въ Беатрисѣ, сказалъ онъ; любовью ея ко мнѣ или характеромъ?“

— „Болѣе всего ея характе-
ромъ.“

— „Боже мой! это странно!
чтожъ ты находишь въ немъ
достойнаго порицанія?“

— „Но... могу ли я, говоря
съ ея любовникомъ, употреб-
лять слова, внушаемая исти-
ною и разумомъ? Нѣтъ, лю-
безный Цезарь, я знаю, что
ты этого не перенесешь!“

— „Я требую этого именемъ
нашей дружбы!“ — вскричалъ
Цезарь съ твердостью и него-
дованіемъ. „Скажи мнѣ, что
тебѣ не понравилось въ Беат-
рисѣ?“

— „Если ты желаешь... из-
воль; во первыхъ: потеря вре-
мени. Порокъ сей тѣмъ вред-
нѣе, что она умѣетъ дѣлать
его пріятнымъ, и придавать
ему тысячи разнообразныхъ
прелестей. И такъ я опасаясь,

чтобъ человекъ ею любимый, нечувствительно не заразился бы тѣмъ же недостаткомъ.“

Цезарь, не понявши совершенно смысла словъ Жіованни, просилъ извясненія. Тогда сей послѣдній далъ замѣтить ему крошкимо, но вѣсело и твердо образомъ, что Беатриса цѣлые дни посвѣщала суешнымъ забавамъ, не занимаясь ничемъ полезнымъ ни для себя, ни для другихъ. Цезарь противъ воли согласился въ истинѣ сего замѣчанія. „Но она такъ еще молода, сказалъ онъ.“ За чѣмъ же тебѣ жениться на такой молодой женѣ, возразилъ Жіованни съ улыбкою. Цезарь просилъ его продолжать, и Жіованни сказалъ ему еще: что боится также блистательнаго ума Беатрисы, и никакъ не вѣришь,

чтобъ споль постоянная веселость могла бытъ соединена въ ней съ глубокою чувствительностію, ибо она сполько капризна въ своемъ шулетѣ, во вкусахъ и удовольствіяхъ, что онъ опасается, чтобъ непостоянство ея, не распространилось и на другіе предметы, гораздо важнѣйшіе. Однимъ словомъ, это непостоянство казалось Жіованни источникомъ ея пріятностей и вмѣстѣ недостатковъ. Гнѣвъ, начинавшій воспламянися въ душѣ Цезаря, утущенъ былъ симъ искреннимъ признаніемъ его друга, въ томъ, что ничто не могло сравняться съ прелестями Беатрисы, и потому онъ отвѣчалъ не съ такою горячностію, какъ Жіованни ожидалъ. Цезарь согласился съ нимъ, что она имѣла нѣкоторыя ка-

призы, что въ самомъ дѣлѣ
 теряла понапрасну время, и
 что гореснь не оставляла въ
 ней никакого впечатлѣнія; но
 приписывалъ сіе совсѣмъ дру-
 гимъ причинамъ. По его мнѣ-
 нію: капризы ея были припи-
 ворные, и служили только къ
 развлеченію общества; — по-
 теря времени ничто иное, какъ
 слѣдствіе молодости ея и не-
 опытности, и ему стоило
 только, говорилъ онъ, научить
 ее истиннымъ обязанностямъ
 жизни, чѣмъ заставишь ис-
 полнять ихъ съ твердостью.
 Чтожъ касается до чрезвычай-
 ной ея веселости, то она рож-
 далась въ ней отъ желанія рас-
 пространить вокругъ себя бла-
 гополучіе, и отъ забавнаго во-
 ображенія, коимъ одарены всѣ
 молодыя дѣвицы.

„Я желалъ бы повѣрить ше-

бѣ, “ сказалъ Жіованни, удерживая вздохъ, “ и почелъ бы себя щасливымъ признавшись въ винѣ своей, когда она сдѣлается швоею супругою. “

— „Если она выйдетъ за меня, оставишь ли ты свои подозрѣнія? “

— „Безъ сомнѣнія, потому что время, доказавши ее постоянство, покажетъ также и ея чувствительность. Сердце нѣжное и невинное всегда имѣетъ въ себѣ средство, исправляющее заблужденія и вознаграждающее потерянное время. “

Цезарь обнялъ его. „Теперь я узнаю опять добраго моего Жіованни: потому что это не онъ говорилъ прежде съ такою жестокостію. “ Слезы чувствительности орошали глаза его.

Участіе и дружество бли-
спали во взорахъ Жіованни;
взявши препенущую руку Це-
заря, онъ сказалъ ему:

„Говоришь всегда истину,
есть одна изъ самыхъ труд-
нѣйшихъ обязанностей друж-
бы. Не безъ горести испол-
нилъ я оную; но не ужели не
долженъ былъ предувѣдомить
друга объ опасности, какой
онъ подвергается, и показать
ему средство избѣжать неща-
стій, и быть увѣреннымъ въ
спокойствіи. Я имѣю сомнѣ-
нія на щетъ Беатрисы: но ты
не имѣешь ихъ. Еслижъ она
измѣнитъ тебѣ и ты лишиш-
ся отъ того ума, но что со-
мною будетъ? Мысль, что я
могъ предостеречь тебя и по-
то не сдѣлалъ, ежеминутно бу-
детъ терзать меня.“

„Не убивай меня столь ужасною карпиною!“ вскричалъ Цезарь вскочивъ со спула, но безъ всякаго гнѣва.“ О, Жіованни! одно несчастіе оправило пвое непорочное и благородное сердце; ты былъ обманутъ, и за то подозрѣваешь весь полъ. Справедливо ли это? согласно ли съ разсудкомъ?“

Жіованни могъ бы отвѣчать, что онъ не подозрѣвалъ весь полъ; — что были женщины, къ коимъ чувствовалъ глубокое почтеніе; но не желая еще болѣе огорчить своего друга, произнесъ только слѣдующія слова: „Можетъ быть я и не правъ; даже надѣюсь и желаю быть такимъ отъ всего сердца; но умоляю тебя будущимъ твоимъ благополучіемъ, превозмоги самаго себя и любовь твою. Предположи хотѣя на

одну только минуту, что Беатриса можетъ быть не столько совершенна, сколько ты себя воображаешь; узнай ее лучше; наблюдай ея обращеніе съ другими; размышляй о каждомъ движеніи души ея, которое не соотвѣтствовало бы твоимъ чувствамъ, и тогда вступи въ сердце свое и спроси самого себя: эта ли подруга есть предѣлъ твоихъ желаній. “

Жіованни остановился; но Цезарь не отвѣчалъ ни слова, потому что сердце его было исполнено чувствованій, и слезы блистали на глазахъ его.

Вдали видна была колокольня Сан-Сиро: онъ вспомнилъ съ какимъ глубокимъ чувствомъ приводилъ Беатрису къ памятнику отца своего, и какъ затрепеталъ замѣтивъ, что гла-

за ея были сухи. Онъ хранилъ продолжительное безмолвіе, и тысячи горесипныхъ мыслей раздирѣли его сердце; но наконецъ бросившись въ кресла, онъ вскричалъ голосомъ выражавшимъ упреки и вмѣстѣ нѣжность: „Жіованни! не ужели это дружба?“ и закрылъ лице руками.

„Суди самъ сколько велика моя къ тебѣ привязанность,“ сказалъ Жіованни прогашельнымъ голосомъ, по тому мужеству, какое она внушаетъ мнѣ, заставляя рѣшиться даже на пошерю сей дружбы, которая стоила мнѣ такихъ трудовъ.“

Опять наступило молчаніе; они оба плакали. Но наконецъ Цезарь первый вспалъ съ мѣста и, взявъ руку Жіованни, съ чувствомъ пожалъ ее, говоря: „Ты родился съ тѣмъ, что-

бы имѣть на меня вліяніе и я покоряюсь судьбѣ; но не дѣлай большаго упоупребленія своей надо мною власти, милой Жіованни! не заставляй меня примѣчать того, что я желалъ бы скрыть отъ самаго себя, и чего я никогда бы не замѣтилъ, есшьли бы ты не открылъ глазъ моихъ. Признаюсь, что Беатриса въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ чувствительности; но покрайней мѣрѣ любовь ея ко мнѣ пламенна, слѣдовательно она еще не совершенно лишена оной; можетъ быть эта чувствительность, до сего времени усыпленная, возбуждися привычкою и размышленіемъ. Особа, ощущая безкорыстную любовь, должна быть способна и къ сему благородному чувству.“

„Не говори безкорыстная;

но скажи лучше вѣрная и постоянная любовь. “

— „Не ужели она не постоянна? За пять мѣсяцовъ до сего, отдавая мнѣ драгоценное кольцо свое, она дала мнѣ обѣщаніе, котораго тщетно искали и ожидали отъ нее другіе знатные и прекрасные Итальянцы. “

„Не хочу входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ предметѣ, сказалъ Жіованни, избѣгая съ намѣреніемъ отвѣта; уже и такъ слишкомъ много огорчилъ себя своею безпокойною дружбою. Позволяю тебѣ сомнѣваться на счетъ моихъ заключеній; обвинять меня въ предубѣжденіи; порицать мое усердіе; но только ради Бога не думай, чтобъ я сдѣлалъ сіе съ намѣреніемъ огорчить тебя. “

Мал. Рыц. Ч. II. Г 2.

„Но однако же скажи, чего мнѣ желать отъ Беатрисы болѣе того, что она сдѣлала для меня? Ты самъ знаешь, что я никогда не соглашусь тайнымъ образомъ быть соединеннымъ съ фамиліею Бриньолеши. Я никогда не просилъ ее, да и она сама не предлагала мнѣ себя похищать. Черезъ два года законная власть мащери ея должна кончиться, и тогда она свободна будетъ отдавать руку свою всякому, кто ей ни понравится. Если я не найду богатства въ продолженіи этого времени, тогда она сдѣлаетъ блистательное доказательство своей ко мнѣ любви и безкорыстія. Но въ ея ли власти ускорить сію минуту? Ободряешь ли она другихъ любовниковъ? Не показала ли она съ самаго начала нашего зна-

комѣтва величайшаго отвраще-
нія къ Графу Каглиари? Слѣдо-
вательно ты не можешь наз-
вать ее кокеткою?

„Я этого не говорю, возра-
зилъ Жіованни съ крошестію.
Въ искренности ея не сомнѣ-
ваюсь, но она не рѣшительна.
Склонность ея къ тебѣ пока-
залась мнѣ не столько пыл-
кою, какъ ты описывалъ.“

Цезарь хотѣлъ было съ жа-
ромъ опвѣчать на сіе, какъ
вдругъ въ душѣ его возбуди-
лись нѣкоторыя воспоминанія.
Онъ подумалъ, что въ самомъ
дѣлѣ съ нѣкотораго времени
Беаприса казалась избѣгающею
случаевъ оставаться съ нимъ
на единѣ. Нѣсколько разъ она
забывала букеты цвѣтовъ, ко-
порые онъ подносилъ ей, меж-
ду тѣмъ какъ прежде тща-
тельно сохраняла цвѣты отъ

него полученные даже, и тогда, когда они увядали. Цезарь поблѣднѣлъ пошупивши глаза, и Жіованни чинялъ смущеніе, начертанное на лицѣ его, съ тою увѣренностію, что трудный долгъ его былъ выполненъ. Онъ хотѣлъ перемѣнить разговоръ, но другъ его никакого вниманія не обращалъ на его слова, оставаясь въ горестномъ безмолвіи. Видя, что онъ размышлялъ о чемъ нибудь важномъ, Жіованни умолкъ; но вдругъ Цезарь поднявъ голову, сказалъ твердымъ голосомъ:

„Такъ, я постараюсь удостоверитьсья и убѣдить тебя. Я буду избѣгать Палаццо-Россо и тѣхъ мѣстъ, гдѣ могу съ нею встрѣтиться. Ты увидишь, какъ любовь заставитъ ее догадаться о причинѣ моихъ поступковъ, и прене-

бречь законами общества; сердце ея увѣрится, что я претерпѣлъ какое нибудь несчастіе, но она никогда не станетъ подозрѣвать меня въ невѣрности. “

Горестъ Цезаря разсѣвалась по мѣрѣ словъ его, и Жіованни ясно увидѣлъ, что разсудокъ не въ состояніи преодолѣть страсти.

„Если она перенесетъ твои испытанія и дѣйствіе времени, сказалъ онъ, то простишь ли ты мнѣ дурное мое обвиненіе? О, Цезарь! еслибъ ты могъ только читать въ моемъ сердцѣ . . . “

„То увидѣлъ бы тамъ всевозможную доброшу, крошость и искреннее ко мнѣ расположеніе, “ прервалъ Цезарь обвиняя его. Жіованни прижалъ его къ своему сердцу съ брат-

нею нѣжностію, и потомъ простился съ нимъ испустивъ горестный вздохъ.

Г Л А В А II.

Путешествіе Жіованни имѣло двойную цѣль. Во первыхъ, онъ долженъ былъ увидѣться съ фамиліею Фронзака; а во вторыхъ, оказать услугу Цезарю. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Синьоръ Адимарій далъ займы большую сумму денегъ одному молодому путешественнику по имени Ланца, который хотѣлъ тогда искасть фортуны въ новооткрытыхъ странахъ Океана. Многіе обшояпельства воспрепятствовали Ланцу возвратить долгъ во время своего отсудшвія;

но такъ какъ деньги прибрѣ-
 щенные имъ умножились еще
 завѣщаніемъ имѣнія однимъ изъ
 умершихъ его товарищей : то
 онъ и рѣшился заплатить долгъ
 тотчасъ по возвращеніи сво-
 емъ ; и во время плаванія часто
 открытымъ образомъ говорилъ
 объ ономъ многимъ пассажи-
 рамъ.

Къ несчастію, Ланца умеръ
 на морѣ, и все его имущество
 досталось дальнему его родст-
 веннику , по имени Михаели.
 Случай привелъ Жіованни въ
 собраніе, гдѣ находился также
 одинъ изъ пассажировъ, путе-
 шествовавшихъ вмѣстѣ съ Лан-
 цою ; онъ узналъ отъ него сіи
 подробности, и хотя Адимарій
 не имѣлъ письменнаго обяза-
 тельства, которое упвержда-
 ло бы право его ; однако же
 Цигала слыша, что Михаели

человѣкъ честный, надѣялся убѣдиль его въ справедливости сего прѣгованія. Сей послѣдній находился тогда главою одною торговаго общества въ Марсели, и шуда то прежде всего Жіованни направилъ путь свой. Онъ ни слова не сказалъ о томъ своему другу, сколько отъ боязни подать ему ложную надежду, столько и потому, что чрезвычайная щекотливостіъ Цезаря воспрепятствовалабъ ему прѣгованію плашежа долгу.

Пріѣхавши въ Марсель, Жіованни немедленно пошелъ къ Михаели. Онъ нашелъ въ немъ благоразумнаго и оспорожнаго челоѣка, который надѣлалъ столько вопросовъ, о ка залъ столько сомнѣній, что Жіованни началъ было опчаяваться въ успѣхъ своихъ стараній;

однако же скоро замѣтилъ, что предосторожности употреблены были Михаелиемъ единственно съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ. И въ самомъ дѣлѣ лишь только онъ убѣдился въ справедливости требованія Синьора Адимарія, какъ не сталъ болѣе дѣлать затрудненій. „Дѣла моего двоюроднаго брата,“ сказалъ онъ, „еще не устроены. Я самъ не знаю всѣхъ законныхъ обязательствъ, какія на него поступаютъ, а вы должны согласиться со мною, государь мой, что они предпочтительнѣе прочихъ; но если узнаю о настоящемъ состояніи моего наслѣдства, то въ скоромъ времени Синьоръ Адимарій получитъ обо мнѣ свѣденіе. Впрочемъ я увѣренъ, что буду въ состояніи заплатить ему долгъ

ѣб лихвою, и другъ вашъ можетъ надѣяться получить и капиталъ и проценты. “

Жіованни ошговаривался было отъ процентовъ, но Михаели возразилъ съ хладнокровіемъ: “ Они ему слѣдуютъ; это не подарокъ, а обыкновенное слѣдствіе займа, и Синьоръ не обязанъ ни мало быть мнѣ за то благодарнымъ. “ Онъ просилъ пошлѣ дать ему списокъ именахъ особъ, коимъ родственникъ его говорилъ объ этомъ дѣлѣ; прибавивъ, что безъ сомнѣнія найдетъ какіе нибудь о томъ записки въ бумагахъ покойнаго.

Обрадованный надеждою быть полезнымъ Цезарю, Жіованни весело продолжалъ путь свой. Теперь онъ не боялся болѣе видѣть отвергнутыми свои услуги, и хотя ничего не ду-

малъ узнать удовлетворительнаго въ Совшертъ, куда ѣхалъ; однако же симъ путешествіемъ надѣялся исполнить послѣднюю обязанность въ разсужденіи безразсудной сестры своей. Извѣстіе имъ полученное, было весьма горестно; Маркизъ Бланшфортъ наслѣдникъ его шурина, нашелъ одного человека, бывшаго въ Остіи въ 1564 году, который помнилъ, что въ одно съ нимъ время, молодой Французской дворянинъ Фронзакъ, условливался съ однимъ Капитаномъ, чпобъ онъ отвезъ его съ фамиліею на корабль своемъ въ Венецію. Въ скоромъ времени послѣ сего корабль сей потонулъ въ открытомъ морѣ, и очень вѣроятно было, что Кавалеръ Фронзакъ и несчастная жена его тогда же погибли.

Жіованни съ горестію услышалъ о сихъ подробностяхъ, помышляя, что такая бѣдственная смерть постигла сестру его на 16 году; однако же онъ нѣсколько утѣшился, когда Маркизъ Бланшфортъ описалъ ему характеръ Кавалера. По словамъ его онъ былъ прекрасный и любезный мужчина, одаренный многими талантами; — но чрезвычайно легко воспламеняющійся прелестями красавицы. Фронзакъ сотворенъ былъ для того, чтобъ плѣнять воображеніе, и имѣлъ великую способность покорять сердце молодой — неопытной дѣвицы. Впрочемъ не имѣя ни сильныхъ страстей, ни испорченнаго вкуса, онъ лишенъ былъ однако же и нѣхъ добродѣтелей, которыя составляютъ благополучіе въ бракѣ. Безпокойный

духъ его требовалъ непре-
 станной переменны мѣста, и
 дѣлалъ сіе, такъ сказать, не-
 обходимостію для его сущест-
 вованія. Такимъ образомъ онъ
 терялъ друзей своихъ, упом-
 ля ихъ къ себѣ привязанность.
 Представленія всѣхъ, ему же-
 лавшихъ добра, оставались без-
 успѣшны; будучи не чувстви-
 теленъ къ желаніямъ многочи-
 сленныхъ своихъ Вассаловъ, ко-
 торые хотѣли бы видѣть его,
 основавшимъ жилище свое по-
 среди ихъ, онъ проводилъ всю
 жизнь въ путешествіяхъ, и
 достигши зрѣлыхъ лѣтъ, со-
 хранилъ привычки разсѣянной
 юности. Находясь въ окресно-
 стяхъ Княжества Монако, онъ
 увидѣлъ въ монастырѣ, гдѣ
 тетка его была Игуменьею,
 Синьору Цигала. Никогда не
 думалъ онъ размышлять о слѣд-

спвіяхъ своихъ поступковъ, а еще менѣе о томъ заботиться. Узнавши, что двѣица пропивъ воли своей должна была выйти за мужъ за человека весьма непріятной наружности, и зная также, что если она выйдетъ за другаго, то навсегда лишится дружбы своего отца, Кавалеръ не могъ однако же воспротивиться минутной фантазіи, и столь искусно сыгралъ ролю колеблющагося между страхомъ и надеждою, что безъ малѣйшаго труда убѣдилъ молоденькую и дѣшную двочку позволить увезти себя.

Безразсудная чета получила брачное благословеніе отъ одного спранспвующаго священника, который не имѣлъ никакого уваженія, ни къ правиламъ, ни къ приличіямъ, — и

Фронзакъ поспѣшилъ предспа-
вити молодую супругу — ма-
тери своей и фамиліи.

„Въ это время,“ продолжалъ
Бланшфордъ, „я увидѣлъ вашу
сестрицу, и воспоминаніе объ
ней навсегда пребудетъ въ мо-
емъ сердцѣ. Сіи цвѣты не
могутъ сравниться съ нею въ
свѣжести: Она была нѣжна,
прелестна, молода! Щеки ея
блистали цвѣтомъ юности.
Ахъ! я совсѣмъ не воображалъ
тогда, чтобъ столь прекрасное
твореніе могло сдѣлаться до-
бычею. . . .“

Онъ остановился, увидя, что
Жіованни внезапно поблѣднѣлъ,
и началъ извиняться въ томъ,
что возбудилъ въ душѣ его горе-
спныя воспоминанія; но Жіован-
ни безмолвно улыбнулся. —

Онъ затрепеталъ, но это
было только скоропреходящее.

движеніе. Пришедши же въ себя, сталъ разговаривать съ Маркизомъ о другихъ предметахъ. Послѣ этаго разговора, Жіованни, помышляя о сестрѣ своей, почти не сожалѣлъ о ея смерти; предполагая, что еслибъ она жива была, то всю жизнь провела бы въ тщетныхъ усиліяхъ передѣлать непоспоянный духъ Кавалера, или наконецъ сама стала бы раздѣлять его праздность и бездѣйствіе. Такимъ образомъ болѣе и болѣе утверждался онъ въ сисемѣ своей, что всѣо на свѣтѣ къ лучшему; — въ чемъ и мы безъ сомнѣнія согласимся съ нимъ, если съ хладнокровіемъ станемъ судить о всѣхъ предметахъ.

Маркизъ просилъ у Синьора Цигала совѣта; онъ желалъ распорядиться однимъ изъ по-

мѣстѣевѣ; но не смѣлъ приступити къ тому безъ сношенія съ братомъ Г-жи Фронзакъ, потому что Кавалеръ въ одномъ письмѣ своемъ упомянулъ, что супруга его беременна; — и очень могло спастись, что дитя не сопровождало родилпелей своихъ въ путешествіи, а слѣдовательно и не погибло вмѣстѣ съ ними. Жіованни успокоилъ съ сей стороны Маркиза, взявъ на себя всю отвѣтственность; а потомъ пошелъ въ монастырь, куда удалилась мать Кавалера. Окончивши же всѣ дѣла, которыя пребовали присутствія его во Франціи, онъ отправился обратно въ Италію.

Г Л А В А III.

Вскорѣ послѣ отѣзда своего изъ Совперра, выпросивши убѣжище на ночь въ одномъ Аббатствѣ, построенномъ на границахъ провинціи, Жіованни вышелъ насладиться тишиною и прохладою вечера. Сіи мѣста, которыя теперь сполько населены и трудолюбіемъ человѣческимъ украшены садами и зданіями, были тогда ничто иное, какъ дремучіе лѣса и непроходимые болоша. Города, возвышающіеся теперь на зеленѣющихъ берегахъ Авейрона, были тогда ничто иное, какъ бѣдныя разсѣянныя деревушки. Тогда было время собиранія винограда. Жіованни проходилъ мѣстами наиболѣе обработан-

ными и встрѣчался съ поселянами, возвращавшимися въ свои жилища. Шляпы ихъ увѣнчанныя виноградными вѣтвями, и корзины наполненныя виноградомъ, придавали имъ видъ жителей Аркадіи. Часто останавливался онъ, чтобы отвѣчать на учтивость, съ какою они подносили ему виноградъ, и любоваться свѣтлыми взорами и живыми движеніями молодыхъ дѣвушекъ, проходившихъ съ своими любовниками. Заходящее солнце разливало на щекахъ ихъ, загорѣвшихъ отъ лучей его, живой румянецъ, и многія изъ нихъ, проходя мимо прекраснаго иносѣянца, бросали на него украдкою лукавые взоры. Веселыя группы сіи, то приближавшіеся къ нему, то скрывавшіеся въ темныхъ изумистыхъ аллеяхъ,

одушевляли и придавали приятность прелестямъ неподвижной природы. Все окружающее способствовало къ внушенію Жіованни набожныхъ чувствованій; казалось, что натура благословляла Творца своего, и Жіованни въ безмолвіи обратился къ нему такъ же усердную молитву. Въ сію минушу чувства его успокоились, но не перемѣнились: онъ оставилъ большую дорогу, и вошедши въ чащу лѣса, достигъ глубокой долины, осѣняемой древними вѣтвистыми каштановыми деревьями, гдѣ раздавался шумъ источника, непримѣтнаго для глазъ, но который показывался отъ времени до времени сквозь густоту деревъ, блистая огненнымъ свѣтомъ заходящаго солнца.

Не безъ труда Жіованни

досшигѣ до берегу источника ; какѣ вдругѣ примѣшилѣ чело-
вѣка , уединенно сидящаго на
правѣ. Незнакомецѣ не сдѣ-
лалѣ никакого движенія ; пото-
му , что не слышалѣ ничего
вокругѣ него происходившаго.
Онѣ облакопился на свои колѣ-
на , опираясь головою на руки—
и казалось смотрѣлѣ на воду
пропекавшую у ногѣ его. Жю-
ванни остановился взглянушь
на него , чтобѣ опиррышь , не
былѣ ли это какой нибудѣ не-
щаспный , и можно ли безѣ опас-
ности къ нему приближиться ;
но увидѣлѣ фигуру , не имѣвшую
человѣческаго подобія . Лицо
сего знакомецѣ покрыто было
синевапою блѣдностію : бо-
лѣзнь , безобразіе и мука—при-
соединялись къ выраженію го-
респному и вмѣстѣ неприяп-
ному . Вѣ впадшихѣ глазахѣ его

блистала жажда мщенія, ненависть и свирѣпая непернѣливость, смѣшенная съ тоскою, нѣжностію, и жестокою увѣренностію въ своемъ безсиліи. Отъ времени до времени несчастный произносилъ слова, сопровождая ихъ яростными движеніями; но не удалялся. Между угрозами и проклятіями Жіованни думалъ слышать жалобы и молитвы. Онъ подошелъ ближе, и шумъ походки его по мокрой травѣ, привелъ въ трепетъ незнакомца; увидя близъ себя челоуѣка, онъ хотѣлъ бѣжать, но Жіованни схвативъ его за край толстой одежды удержалъ.

„Ты до меня допрогиваешься! . . . Какъ! еще есть на свѣтѣ челоуѣкъ, который не боится ко мнѣ прикоснуться!“ вскричалъ несчастный съ при-

нужденнымъ смѣхомъ, который разлилъ хладъ въ жилахъ Жіованни и заставилъ его пустить незнакомца. Сдѣлавшись свободнымъ, сей послѣдній пустился бѣжать; взлѣзъ на скалу не подалеку находившуюся — и исчезъ подъ землю.

Жіованни ощутилъ нѣкоторое суевѣріе; но тотчасъ опомнясь, послѣдовалъ за симъ живымъ призракомъ. Скоро открылъ онъ, что мѣсто, гдѣ спрятался незнакомецъ, было ничто иное какъ пещера, образованная природою въ одномъ боку горы, служившая жилищемъ пастухамъ. Нѣсколько кустарниковъ дикихъ вишенъ, скрывали отъ взоровъ входъ въ оную; но не препятствовали взойти. Жіованни проникъ туда, и не нашелъ тамъ другихъ мебели, кромѣ постѣли изъ

моху, и другого обитателя, кроме незнакомца, имъ встрѣченнаго. Въ одномъ углу пещеры возвышалось подобіе олшаря, съ распятіемъ весьма грубо сдѣланнымъ. Распятіе украшено было мишурою, а олшарь кусками разноцвѣтнаго сшескла и павлинными перьями. Видъ сего священнаго символа, возбудилъ въ немъ удовольствіе, — и успокоилъ его также въ разсужденіи личной безопасности. Увѣрившись, что несчастный, находившійся предъ нимъ, былъ одной съ нимъ вѣры, Жіованни перекрестился.

„Чего ты отъ меня хочешь,“ спросилъ незнакомецъ сердитымъ голосомъ, отвращая глаза свои, покраснѣвшіе отъ проливыхъ слезъ.

„Дай мнѣ убѣжище, и позволь отдохнуть нѣсколько време-

ни, « отвѣчалъ Жіованни, на-
дѣясь удержатъ бѣдняка, про-
ся у него гостепріимства.

„Такъ останься здѣсь, ска-
залъ сей послѣдній удаляясь.
Сѣвши въ нѣкоторомъ разсто-
яніи отъ пещеры, онъ принялъ
свое прежде отчаянное поло-
женіе; но Жіованни опять за-
нимъ послѣдовалъ, посмотрѣвъ
на него съ состраданіемъ, и не
подходя близко, сказалъ ему:
другъ мой! тебя чтонибудь
огорчаетъ, не могу ли оказатъ
тебѣ какойнибудь услуги?“

Незнакомецъ не сдѣлавъ ни-
какого отвѣта остался непод-
виженъ. Жіованни повторилъ
вопросъ свой, прибавивъ нѣ-
сколько утѣшительныхъ словъ.
Тогда житель пустыни поднялъ
голову, взглянулъ вокругъ се-
бя помѣшаннымъ взоромъ, какъ
бы сомнѣваясь, въ истиннѣ по-

го, что слышалъ и потомъ вдругъ вскричавъ: „О! Августъ!“ и залился слезами. Горесть его была жестока, потому что къ ней присоединялось бѣшенство, и безсильное желаніе отмстить. Несчастный распросперся на землѣ, вырывалъ траву, выпускалъ пронзительные крики и произносилъ клятвы и ругательства. „Увы! бѣдный несчастливецъ, сказалъ Жіованни подошедши къ нему, и видя, что онъ совершенно былъ истощенъ сими усиліями. Ты безъ сомнѣнія имѣешь какія нибудь грести, въ которыхъ никто не хочеть тебя утѣшить. Гдѣ твое жилище? я провожу тебя туда.“

„Вотъ оно,“ отвѣчалъ незнакомецъ указывая на пещеру.

— Ктo ты таковъ?

— „Кагопъ! (1)“ онъ произнесъ сіе низкое прозваніе съ стыдомъ и смущеніемъ. Жюванни не имѣлъ предразсудковъ своего вѣка, и попому имя не

---

(1) Прозваніе Кагоповъ дано было изгнанному поколѣнію, почитаемому остаткомъ Сарацинъ, избѣгшихъ гибели, послѣ разбитія ихъ Карломъ Маршеломъ. Описаніе, дѣлаемое объ нихъ сочинительницею сего романа, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно справедливо. Желаящіе же знать о томъ подробнѣе, могутъ справиться въ Этимологическомъ лексиконѣ Мезажа, при словѣ Кагопъ.

(пр. перев.)

навистной для всѣхъ націи ни мало его не успрашило.

„Пусть это правда, опивчалъ онъ, но вишь ты чело-вѣкъ? — а всѣ люди между собою братья. Ты кажешься мнѣ Христіанинъ, а Христіане между собою еще болѣе нежели братья. Пойдемъ, ты расскажешь мнѣ свои несчастія, а я посмотрю, не буду ли въ состояніи облегчить ихъ.“

Безсмертная душа чело-вѣка, искра божественнаго подобія, — источникъ милости и добра, какую побѣду одержали вы въ сію минуту, надъ чело-вѣкомъ сраженнымъ гореспію, болѣзнію и гнуснымъ безобразіемъ! Блѣдная и багровая фізіономія Кагота одушевилась. Слезы полились изъ глазъ его; но это не были уже слезы опчаянія. Онъ бѣгалъ, прыгалъ отъ ра-

достиги, и наконецъ бросившись къ ногамъ Жіованни, схватилъ полу плаща его, и поцѣловалъ оную вскричавъ прерывающимся голосомъ: „возможно ли, чтобъ я опять могъ слышать выраженія милости!“

Жіованни поднялъ его, и смотря на него съ благосклонностію и состраданіемъ сказалъ: войдемъ въ пещеру; тамъ никто не помѣшаетъ нашему разговору, и ты скажешь мнѣ, что я могу для тебя сдѣлать.“

„Теперь никто не можетъ подать мнѣ помощи: Августъ умеръ! вскричалъ Кагопъ и новыя слезы полились изъ впадшихъ его глазъ.“

— „Тавъ чтожъ! ты расскажешь мнѣ объ Августѣ, и мы вмѣстѣ станемъ его оплакивать.“

Кагопъ опять схватилъ

плащъ Жіованни, и опяіть поцѣловалъ оный. Когда они возвратились въ пещеру и сѣли шамъ, то Жіованни съ живѣйшимъ соучастіемъ взиралъ на печальный предметъ, бывшій передъ его глазами. Въ первый еще разъ въ жизни удалось ему видѣть въ немъ члена таинственнаго поколѣнія, неизвѣстнымъ случаемъ разсѣяннаго по всей Франціи, гдѣ оно лишено было всѣхъ достоинствъ и правъ не только гражданскихъ, но даже и человѣческихъ. Поколѣніе сіе было многочисленно въ первые вѣки существованія Монархіи, но теперь остались отъ онаго только немногіе потомки, показывающіе несправедливосль прошедшихъ временъ. Сіи несчастные изгнанники, покрытые безчестіемъ, коимъ давали различ-

ное наименованіе, смотря по разнымъ провинціямъ, гдѣ они находились, — были поспешенно почишаемы за потомковъ Алановъ, Срацинъ и Визиготовъ. Нѣкоторые искатели утверждали даже, что при самомъ рожденіи получали они знаки своей подлости. Въ Исторіи ничто не даетъ намъ вѣрныхъ свѣденій, въ разсужденіи происхожденія ихъ. То только намъ извѣстно, что они всегда почишаемы были за людей нечестивыхъ; что всякое сообщество съ ними было запрещено; что они не смѣли пріобщаться Святыхъ Тайнъ; что шѣла ихъ неудобноеваемы были погребенія при церковныхъ зданіяхъ, и наконецъ: что не дозволено имъ было имѣть другихъ занятій, кромѣ таковыхъ, которые отдаляли ихъ

опѣ городовъ и сообществова
людей. Омерзение и ужасъ,
внушаемые ими столь давно
существовали, что оныя каза-
лись справедливыми даже въ
собственныхъ ихъ глазахъ. Ни
гонишли ихъ, ни сами они не
знали причины такого угне-
щенія; но тѣмъ не менѣе при-
нуждены были сносить тяжесть
сего ига, и смиряться подъ
онимъ.

Нещастный, встрѣченный
Жіованніемъ, назывался Родоль-
фомъ; онъ былъ послѣдній по-
томокъ единственной фамиліи
Кагоповъ, которая съ давняго
времени пребывала въ Армон-
дѣ. Такимъ образомъ съ сама-
го дѣтства жилъ онъ всегда
въ печальномъ и странномъ
уединеніи. Удаленный опѣ со-
общества людей, лѣтомъ зани-
мался онъ рубкою дровъ; зимою

же заключался въ свою пещеру, которая служила ему убѣжищемъ отъ волковъ, и защитою прошивъ снѣгу. По праздни-камъ ходилъ онъ въ ближнюю церковь, гдѣ сшановился въ самомъ уединенномъ углу, назначенномъ для несчастныхъ со-пварищей его злополучія. При-существуя при Божественной службѣ, не смѣлъ онъ смѣши-вать голоса своего съ голосами правовѣрныхъ, которые пре-пешали, есшьли онъ нечаянно — мимоходомъ прикасался къ ихъ одеждѣ. Съ такою силою и выразительностію описалъ онъ ощущенія свои при выходѣ изъ церкви, что поразилъ тѣмъ сердце молодого Италіанца. Воспитаніе не развернуло въ немъ способности размышлять; но за то природа одарила са-мымъ чувствительнымъ серд-

цемъ. Нечаянный случай озарилъ лучемъ свѣта — мрачность, царствовавшую въ душѣ его.

Однажды рубя дрова въ глубокой долинѣ, онъ примѣтилъ недалеко отъ себя играющее дитя. Привлеченный красою его и веселостію, бѣдный Каргошъ остановился любуясь имъ, Дитя гонявшееся за бабочкою забѣжало въ просникъ и вдругъ упало въ рѣку. Родольфъ бросился туда же, схватилъ его, и спасъ ему жизнь. Онъ опнесъ дитя въ хижину, гдѣ жила его кормилица; но сія женщина приняла ребенка изъ рукъ его, какъ бы изъ когтей дьявола. Съ этой минуты Родольфъ каждое утро и каждый вечеръ бродилъ въ окрестностяхъ хижины, въ надеждѣ опять увидѣть милаго ребенка.

ка, въ которомъ принималъ
 ешоль большое участіе. Съ
 одной стороны признатель-
 ность, а съ другой дружба
 превозмогли всѣ препяпствія.
 Родольфъ имѣлъ способность
 подражать пѣнію всѣхъ лѣс-
 ныхъ птицъ; онъ собиралъ
 также цвѣты и плоды, пола-
 гая оныя въ одномъ мѣстѣ, гдѣ
 Августъ могъ ихъ находить.
 Послѣ эшаго легко понять мо-
 жно, что видъ его не возбуж-
 далъ въ мысляхъ дитяти боя-
 зни къ нему, или отвращенія.
 Когда яроспные предразсудки
 поселянъ принуждали Родоль-
 фа удаляться отъ жилищъ ихъ,
 тогда Августъ украдкою при-
 ходилъ въ пещеру дровосѣка
 и забавлялъ его дѣтскими сво-
 ими играми. Знакомство ихъ
 продолжалось два года. Въ это
 время ребенокъ внушилъ не

одно понятіе сему челоуѣку, который начавши чувспивовать, не замедлилъ шавже научить-ся и мыслить. Родольфъ не забылъ о перемѣнѣ, какая произошла въ немъ.

„Не знавши Августа,“ сказалъ онъ, „я все время свое проводилъ въ уединеніи. Все занятіе мое въ продолженіи мрачныхъ дней и длинныхъ зимнихъ вечеровъ, состояло въ разведеніи огня и стараніи сохранить оный, подбавляя сухаго хворосту. Въ прежнее время воспоминалъ я о своемъ семействѣ, которое все померло; но это не долго продолжалось. Годы проходили, и я переспалъ уже мыслишь, одно только чувспиво было во мнѣ: что я живой погребенъ въ могилѣ. Передъ глазами моими носился какой-то густой, мрач-

ной, тягостный туманъ; онъ угнеталъ грудь мою, голову — и все мое существо; я не думалъ ни о какомъ живомъ предметѣ; не помышлялъ, чтобъ что нибудь существовало на свѣтѣ кромѣ меня. Ахъ! эти дни были ужасны!“

Багровое лице Родольфа еще сдѣлалось непріятнѣе. Послѣ горестнаго молчанія, онъ продолжалъ:

„Августъ все передѣлалъ. Съ той минуты, какъ онъ побылъ на рукахъ моихъ, я почувствовалъ, что сдѣлался совершенно другимъ человекомъ.“

Бывало, приложивши нѣжную свою щеку къ лицу моему, онъ согревалъ посинѣвшія губы мои своимъ дыханіемъ, думая, что я озябъ, и обѣщавъ любить меня во всю жизнь свою: Увы! онъ не зналъ, что

я былъ Каготъ! однаковъ въ послѣдствіи узналъ о томъ, но нимадо не пересталъ любить меня. Никто не могъ запрешить ему со мною видѣться; нашедши меня въ лѣсу, онъ пѣлъ мнѣ прекрасныя пѣсенки, сказывалъ сказки и своими нѣжными ручонками ласкалъ мои жосткія и грубыя руки! О, Августъ! я не прижму тебя болѣе къ груди своей; не почувствую болѣе сладостнаго своего дыханія. Ахъ! никогда, никогда!

Рыданія прервали рѣчь его. „Какъ ты можешь столько сожалѣть о дитяти?“ сказалъ Жюванни съ намернувшимися на глазахъ слезами. Каготъ преклонялся предъ нимъ, и послѣ выразительнаго молчанія, продолжалъ:

„Августъ былъ весьма малъ,

когда я его въ первый разъ увидѣлъ, но въ теченіи двухъ лѣтъ какъ онъ выросъ! какъ сдѣлался уменъ! онъ могъ чистать и даже сочинять письма, такъ какъ пишутъ въ книгахъ. Иногда и сюда приносилъ онъ съ собою книги, и училъ меня чистать. Съ сего времени я не чувствовалъ болѣе скуки въ своей пещерѣ, потому что оставаясь одинъ подлѣ огня своего, я повторялъ отъ слова до слова чистанное мною, и размышлялъ о томъ, что мой милой Августъ дѣлалъ — или говорилъ. Ахъ! я такъ былъ щастливъ! онъ научилъ меня и этому слову; потому что до него я не слыжалъ, чтобъ ктонибудь передо мною произносилъ его.“

„Ты никогда не испыталъ щастія!“ подумалъ Жюванди,

вздохнувши отъ сей горестной мысли.

„Но Каготъ не сотворенъ для того, чтобъ быть счастливымъ, продолжалъ Родольфъ. Августъ сдѣлался болѣнъ, а я ничего о томъ не зналъ. Дожидался его въ лѣсу, подлѣ рѣки, на пропинкѣ; осмѣлился даже подойти къ дому его кормилицы: но все не видалъ его. Наконецъ она сказала мнѣ, что его опослали въ городъ къ опцу, и что онъ былъ при смерти. Я побѣжалъ въ городъ, на колѣняхъ умолялъ, дозволишь мнѣ еще одинъ разъ его увидѣть. О! еслибъ только уведомили его, что я тутъ былъ; — сказали бы мнѣ отъ него нѣсколько словъ!... Наконецъ сказали мнѣ, что онъ умеръ; бросая въ меня камнями, чтобъ прогнать меня, и

осыпали ужасными проклятіями за то, что я любилъ Августа; говоря, что смерть его была божеское наказаніе за то, что онъ любилъ меня; что невинная душа его будетъ мучиться за это, и насмѣхались надъ моею горестію.“

Яростная улыбка появилась на лицѣ Кагоша; губы его сдѣлали нѣкоторое движеніе, произнося невнятные звуки. Потомъ ударивъ себя въ грудь, онъ вскричалъ съ горестію.

„О! еслибъ рука сія имѣла какую нибудь силу!... Еслибъ я могъ утолить эту ужасную тоску, которая гложетъ мое сердце! Жажда, голодъ, одиночество не могутъ быть столько мучительны. Ахъ! для чего я не могу опмспить за себя!...“

Сспраспи, волновавшія душу

Родольфа, заставили его за-
 трепешать. Бѣшенство и не-
 нависть сверкали въ неподвиж-
 номъ его взорѣ; онъ потрясалъ
 сжатымъ кулакомъ своимъ,
 какъ бы угрожая невидимому
 призраку, и въ то же время
 ужасныя спенанія воздымали
 грудь его. Жіованни сначала
 постарался его утѣшить, обв-
 яснивъ ему попомъ, что мще-
 ніе было грѣхъ, и что Религія
 повелѣвала воздавать добромъ
 за зло. Напомнилъ ему, что
 люди столь жестоко съ нимъ
 поступившіе, были близкіе
 сродники дыпяши имъ любимому,
 — и слѣдовательно должен-
 ствовали бытьъ драгоценными
 въ глазахъ его; присовокупивъ,
 что ихъ жестокіе поступки
 съ нимъ, вѣроятно были при-
 чинены горестію сильнѣйшею,
 нежели какую онъ чувствовалъ,

и внушены предразсудками и суевѣріемъ, а не безчеловѣчіемъ. Наконецъ даль почувствовать, что гораздо лучше исполнить правила святой Религіи, копорую они оба исповѣдывали, и большее сдѣлаеть доказательство любви своей къ Августу, если присоединитъ молитвы свои къ тѣмъ, копорые церковь возсылаеть за упокой души его, и если укротитъ мщеніе свое противъ сродниковъ дитяши:

Оканчивая сіи слова, Жіованни снялъ съ себя мантію и заставивъ Родольфа повторять за собою молитву по усопшимъ, сталъ на колѣни передъ распятіемъ и грубымъ олтаремъ. — Въ продолженіи сего времени Родольфъ хранилъ глубокое молчаніе; но мало помалу черты лица его подперяли

выраженіе бѣшенства, а движенія сдѣлались не столь опчаянны. Изобильныя слезы полились ручьями изъ глазъ Кагоша, и показали, что сердце его смягчилось.

Никогда Жіованни не молился съ такимъ жаромъ; — часто ощущалъ онъ священный восторгъ, находясь въ великолѣпномъ храмѣ рыцарей Іоанна Іерусалимскаго, посреди толпы народа и пышныхъ обрядовъ божественной литургіи; — часто также въ церкви Благовѣщенія, молясь за успокоеніе души своего родителя, чувствовалъ онъ нѣкоторый родъ таинственнаго ужаса; но никогда еще, такъ сказать, столь тѣсно не соединялся онъ съ своимъ Создателемъ, какъ въ сію минушу; вознося къ нему моленія въ дикой пустынѣ, под-

лѣ невольника всѣми оставленнаго и погруженнаго въ горести.

Окончивши молитву оба встали: Родольфъ не переставалъ проливать слезъ, облегчавшихъ его сердце.

Часто схватывалъ онъ руку Жіованни, прижимая оную къ препещущей груди своей, между тѣмъ какъ сей, со взоромъ божественнаго посланника, продолжалъ укрѣплять его въ покорности и терпѣніи; описывая ему блаженство, коимъ безъ сомнѣнія наслаждалась теперь душа непричастная еще мирскихъ суесть. — Убѣжденія его менѣе имѣли успѣха, нежели сія картина: что доказываетъ, какъ мало разсудокъ владычествуетъ надъ чувствительностію, и до какой степени необходимо долж-

но противуполагають одної
страсти другу.

Такимъ образомъ изливши
бальзамъ спокойствія въ серд-
цѣ Родольфа, Жіованни оста-
вилъ его обѣщаясь завтра пе-
редъ отбѣздомъ своимъ опять
съ нимъ увидѣться.

Сія сцена занимала всѣ мы-
сли Жіованни въ то время,
какъ онъ тихими шагами под-
ходилъ къ монастырю, гдѣ дол-
женъ былъ провести ночь. Гу-
стой туманъ, облакавшій ок-
рестности, скрывая отъ взо-
ровъ его наружныя предметы,
способствовалъ къ погруженію
его въ глубокую задумчивость.
Вспомнивъ о веселыхъ груп-
пахъ собираемыхъ винограда,
недавно имъ встрѣченыхъ, и
сравнивая ихъ съ несчастнымъ
дровосѣкомъ, онъ возсپеналъ о
различіи судьбы человѣческой.

Можетъ быть Жіованни одинъ только во всей провинціи позволилъ себѣ войти въ печальное жилище Кагопа, пожимать его руку, осушать слезы, утѣшать его, и даже молиться съ нимъ. Но Кагопъ не былъ ли также человѣкомъ? — Обязанъ будучи произнесенными обѣздами, посѣщать больныхъ и омыывать ноги неимущихъ, Жіованни не спыдился — преклоняя съ нимъ вмѣстѣ колѣна предъ грубымъ олтаремъ; привыкли же починать должностію оказываніе услугъ себѣ подобнымъ въ ихъ злополучіи, онъ не думалъ даже дѣлать добро, рѣшившись не оставлять Франціи безъ того, чтобъ не перемѣнить, если по крайней мѣрѣ не сдѣлать лучшимъ жребію сего несчастливца.

Таковы были размышленія

его по приходѣ въ Аббатство. Онъ старался собрать всѣ свѣденія о Графѣ Армондѣ, помѣщикѣ той земли, гдѣ родился Родольфъ, и успѣлъ въ томъ. На другой день Жіованни съ нимъ увидѣлся, и нашелъ въ немъ вѣтреннаго придворнаго. Мы не позволимъ себѣ рѣшить, чему уступилъ Армондъ: просьбамъ ли, золоту, или любезнымъ поступкамъ Цигалы; но только онъ оставилъ сему послѣднему всѣ права свои на Родольфа.

Въ полдень дровосѣкъ пошелъ въ лѣсъ исполнять ежедневную свою обязанность, и тамъ по Жіованни нашелъ его рубящаго дрова ослабѣвшею рукою. Цѣлое утро Родольфъ бродилъ вокругъ дома, заключавшаго въ себѣ тѣло Августа; нашедши на землѣ нѣсколько увядшихъ

цвѣтѣвъ, и думая, что цвѣты сіи служили при погребеніи малюпки, онъ спряталъ оныя за пазуху, и опів времени до времени вынимая опшуда цѣловалъ ихъ обливая слезами. Онъ показалъ цвѣты сіи также и Жіованни, который взглянулъ на нихъ съ нѣжностію и почтеніемъ. Такимъ образомъ онъ облегчалъ горестъ Родольфа, при шворяя съ раздѣляющимъ оную. Сей послѣдній, будучи пронутъ участіемъ въ немъ принимаемымъ, снова началъ описывать веселостъ и нѣжную дружбу своего маленькаго любимца, какъ вдругъ раздался звукъ погребальнаго колокола. Родольфъ немедленно встаетъ, и спускаетъ пронзительный крикъ и падаетъ на землю, какъ бы лишенный всѣхъ чувствъ. Жіованни угадалъ

причину еего движенія: Эпоть звукъ безъ сомнѣнія означалъ опшествіе церемоніи погребенія Августа. Поднявъ несчастливца, онъ пролилъ слезы соспраданія. Родольфъ открылъ глаза, сомкнутые горестію; съ выраженіемъ признательности успремилъ оныя на кропкое лицо Жіованни, потомъ съ глубокимъ спенаніемъ опять закрылъ ихъ и упалъ на значь. Жіованни не спалъ болѣе его безпокоипь, оставивъ въ эпоть положеніи, въ которомъ онъ пробылъ во все продолженіе службы.

„Я хочу умереть,“ произнесъ злополучный Каготъ вскочивши вдругъ и обращая во кругъ себя бѣшеный взоръ; глаза его были красны опъ слезъ. „Они погребли его!

мнѣ не для чего болѣе жить на свѣтѣ. “

„Живи для человека, который вмѣстѣ съ тобою плакалъ,“ сказалъ Жіованни.

„Для васъ! — Ахъ! за васъ, я умереть готовъ!“, вскричалъ бѣдный дровосѣкъ, бросившись къ нему въ ноги;“ но вы хопите убраться далеко, а я, я остаюсь здѣсь неподвиженъ, какъ эти деревья! “

„Ты можешь идти куда хочешь: Ты болѣе не невольникъ!“

Нѣсколько времени Жіованни не могъ дать ему понятія о перемѣнѣ его участи. Сія перемѣна весьма удивила Кагопа; и наконецъ, когда онъ могъ уже чувствовать, не благополучіе свое, но цѣну полученной свободы, тогда благодарность и радость его доходили до изступленія. Отъ порывовъ оп-

чаянія, вдругъ перешелъ онъ къ восторгу, и на нѣсколько минутъ забылъ даже объ Августѣ. Удовольствіе жить и умереть возлѣ своего благодѣтеля, единого человека, (исключая диябли,) оказавшаго ему столько милостей, было столько велико, что онъ не могъ его перенести. Родольфъ хотѣлъ на колѣняхъ излить передъ нимъ свои чувства, какъ Жіованни кроткимъ упрекомъ далъ ему почувствовать, что онъ долженъ былъ благодарить за сіе одного Бога. Когда Жіованни сказалъ ему въ отвѣтъ на вопросы имъ сдѣланные, что хочетъ взять его съ собою, то облако горести напечатлѣлось на лицѣ его. — Не сказавъ ни слова, онъ обратилъ глаза на источникъ, протекавшій у ногъ его, поглядѣлся въ ономъ — и

потомъ взглянулъ на своего
 благодѣтеля. Цигала понялъ
 сей безмолвный отвѣтъ, и ус-
 покоилъ его; увѣривъ, что не-
 щасное поколѣнiе Каголовъ
 было неизвѣстно въ той спра-
 вѣ, куда отправлялись; что онъ
 будетъ тамъ равенъ со всѣми
 людьми своего сосоянiя; что
 попеченiя и хорошая пища воз-
 вращающъ ему здоровье, и нако-
 нецъ: что въ немъ онъ всегда
 найдетъ друга и покровителя
 прошивъ тѣхъ, которые захо-
 тѣли бы его обидѣть. Жио-
 ванни желалъ, чтобы онъ пош-
 часъ за нимъ послѣдовалъ; но
 Родольфъ обѣщалъ завтра на
 разсвѣтъ быть на большой до-
 рогѣ. Жиованни заключилъ изъ
 того, что онъ передъ отъѣз-
 домъ своимъ намѣревался посѣ-
 щить могилу Августа, и не
 почелъ нужнымъ вопрошивать-

ся выраженіямъ столь справедливой горести.

Родольфъ провелъ ночь на кладбищѣ Бенедиктянѣ. Ни одинъ смертный не видалъ его опчаянія и не слыжалъ его жалобъ; потому, что никто столько не любилъ невинное швореніе, почивавшее въ семъ мѣстѣ. — Корзинка заключала все его имущество: тамъ было бѣдное рубище, куски стекла, украшавшіе олтарь его, и старый изорванный молитвенникъ. Всѣ сіи сокровища, были подарки Августа.) Несчастный хранилъ на груди своей цвѣты, поднятые имъ подлѣ окна дикяги, и немного земли взятой имъ съ его могилы. Съ корзинкою подъ рукою, онъ дождался Жіованни въ назначенномъ мѣстѣ; увидя его вмѣшался въ число слугъ, и оста-

вилъ съ нимъ Францію на
всегда.

Г Л А В А IV.

Лишь только Жиованни оставилъ Геную, какъ Цезарь началъ испытаніе, предпринятое имъ, чтобы увѣрился въ любви къ себѣ Беатрисы. Онъ ни мало не сомнѣвался въ оной, потому что опасенія, возбужденныя въ душѣ его другомъ, уже разсѣялись; и чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о связи своей съ нею, тѣмъ болѣе убѣждался, что Беатриса оказала ему несомнѣнные знаки лестнаго предпочтенія; и потому не могъ повѣрить, чтобы какіе нибудь неважныя обстоятельство могли опровергнуть доказатель-

Ства столь очевидныя. Размышленія обыкновенно имѣють различное дѣйствіе надъ мечтами любви, и надъ мечтами какого нибудь другаго рода: вмѣсто того, чтобъ разсѣять первыя, они еще болѣе ихъ подкрѣпляютъ; и вѣроятно потому, что въ любви мы слѣдуемъ не разуму, а воображенію.

Сдѣлавъ надъ собою чрезвычайное усиліе, Цезарь пребылъ цѣлый день не видавшись съ Беаприсою. Вечеромъ же скорою рукою написалъ ей записку, увѣдомляя, что ѣдетъ не далеко; но что передъ отъѣздомъ не можетъ съ нею увидѣться. Въ запискѣ сей онъ не говорилъ ей ни о причинѣ своего отъѣзда, ни о томъ куда отправлялся; не назначая также и времени своего возвращенія. Пославши оную, онъ сѣлъ

на лошадь и поѣхалъ по первой встрѣтившейся ему дороге.

Пробывши цѣлую недѣлю въ окрестностяхъ Генуи, Цезарь возвратился въ оную будучи утомленъ и обвѣтъ безпокойствомъ. Надѣясь найти Беап-рису болѣе прежняго къ себѣ нѣжною, онъ также опасался, чтобъ отсутствіе его не возбудило въ ней холодности. Слуга уведомилъ его, что Синьора Бриньолеппи не только не отвѣчала ему на записку, но что даже и не присылала ни разу объ немъ освѣдомиться. Слѣдовательно записка его была доспачочна, чтобъ ее успокоить! и она ни мало не была удивлена, ни тайнственнымъ его отвѣдомъ, ни молчаніемъ, которое онъ до сей хранилъ!

При сей мысли сердце Цезаря шерзалось.

Вошедши въ свою комнату, онъ сѣлъ на кресла и погрузился въ глубокую задумчивость. Приготовившись къ гнѣву Беатрисы, онъ думалъ получить отъ нее покрайней мѣрѣ письмо наполненное упреками, или что нибудь словесно чрезъ Синьору Кальву; но совсѣмъ не ожидалъ, чтобъ съ нимъ поступили съ такимъ равнодушіемъ; и это весьма его огорчило.

Слуга подалъ ему письмо отъ Жіованни, которое держалъ онъ въ рукахъ не распечатывая, и наконецъ развернувъ, прочиталъ совсѣмъ не понимая содержанія онаго. Довольно прошло времени, но духъ его былъ все еще въ безпокойствѣ. Колеблемый горестію

и гнѣвомъ, онъ хотѣлъ идти къ Беатрисѣ и осыпашъ ее упреками, или рѣшался лучше все перенести, чтобъ показать ей силу спрасти, которой она столь худо соотвѣтствовала. Къ щаспію добрый Синдикъ и жена его не были дома, и Цезарь не имѣлъ свидѣтелей своего смущенія.

Между тѣмъ, какъ онъ ходилъ по комнатамъ не зная на что рѣшиться, слуга доложилъ о Синьорѣ Кальва, который вошедши и бросивъ взглядъ на печальное и опчаянное лицо Цезаря, вскричалъ съ величайшимъ безпокойствомъ: „Что съ вами случилось? не ужели Синьора Беатриса угадала?“

„Беатриса!“ прервалъ Цезарь, воспріявши при семъ имени всю свою веселость.

Тутъ Синьоръ Кальва избъ-

яснился, и слова его излѣчили глубокую рану въ сердцѣ несчастнаго любовника. Онъ сказалъ, что Беаприса, находясь съ Синьорою Кальва въ Оперѣ, услышала о происшествіи, приведшемъ ее въ трепетъ. Говорила: что два путешественника съ однимъ слугою претерпѣли нападеніе отъ разбойниковъ въ Нолійскомъ лѣсу; что одинъ изъ путешественниковъ былъ убитъ, а другой и слуга, желавшіе защитить его, оба смертельно ранены. Солдаты нашли ихъ и перенесли въ ближайшій городъ, гдѣ одинъ лѣкарь, наскоро перевязалъ ихъ раны. Слуга умеръ во время сей операціи, а путешественникъ пришедши въ чувства, объявилъ: что онъ и другъ его были Генуэжскіе жители;—что другъ

его отпраплялся путешествовать, и что онъ имѣя многое сообщить ему по дѣламъ своимъ, провожалъ его за нѣскольکو миль, и хопѣлъ уже съ нимъ разстаться, какъ вдругъ разбойники на нихъ напали. Лѣта сихъ господъ, описаніе о нихъ, обстоятельство путешествія, — все относилось къ Жіованни и Цезарю; поному что первый долженъ былъ съспѣ на корабль въ Ноли, чтобы отправиться въ Марсель, а нечаянный отѣздъ Цезаря, не оставилъ Беатрисѣ нималѣйшаго сомнѣнія, чтобъ сіи путешественники не были они. По прѣздѣ изъ Оперы, она не переспавала, прибавилъ Кальва, плакать и испускать жалобные вопли, призывая то Цезаря, то его друга, и упро-

сила его потчасъ бѣжашъ къ Цезарю и къ Жіованни, чтобы узнать естли обѣ нихъ какія нибудь извѣстія?

„Посудите сколько я долженъ радоваться, что нашелъ васъ,“ сказалъ Синьоръ Кальва, едва успѣвая слѣдовать по улицѣ занеперпѣливымъ и щастливымъ любовникомъ, который вбѣжавши въ комнату, бросился къ ногамъ Беатрисы, рыдавшей въ объятіяхъ Синьоры Кальвы.

„Ахъ, Цезарь! вскричала она, любезный Цезарь!“

— Потомъ, вдругъ вскочивъ со стула, присовокупила: „но гдѣ же другъ вашъ?“

„Возлюбленная Беатриса,“ отвѣчалъ Цезарь, почитая что одна только симпатія заставляла ее принимать столь великое участіе въ Жіованни —

„Другъ нашъ въ безопасности.. въ добромъ здоровьѣ... вотъ письмо, сей часъ мною отъ него полученное.“

Смущенная Беатриса протянула руку, чтобъ взять письмо подаваемое ей Цезаремъ; но угнетенная своими чувствами, оперлась на плечо его и лишилась памяти. Синьоръ Кальва посмопрълъ на нее нѣсколько минушъ съ недовольнымъ видомъ, и сказавши „г-мъ!“ вышелъ изъ комнаты. Цезарь не раздѣлялъ его подозрѣній; ибо ему казалось, что все спѣшествовало къ ушверженію его благополучія. Онъ прижался лицомъ своимъ къ блѣдному лицу Беатрисы, и съ страстнымъ видомъ взиралъ на свою любезную оставивъ Синьоръ Кальвъ попеченіе привести ее въ чувство. Нако-

нецѣ глаза ея открылись и нѣсколько вздоховъ показали, что она приходитъ въ себя.—Синь-іора Кальва улыбнувшись, оставила ихъ однихъ. Тогда Беатриса сдѣлала нѣсколько вопросовъ и восклицаній безъ всякой связи.

Она выразила ихъ съ такою быспропою и испупленіемъ, съ такимъ смѣшеніемъ радости и ужаса, сопровождая сіе поцѣлуями и пролитіемъ слезъ, что Цезарь не сохранилъ ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что она говорила и дѣлала въ первые минуты: это движеніе подобно было молніи извивающейся въ облакѣ, которая блеснувъ мгновенно исчезаетъ.

Письмо Жіованни къ Цезарю было написано изъ мѣста весьма отдаленнаго отъ того,

гдѣ произошло убійство, и число на ономъ означенное ясно показывало, что другъ его нимало не былъ подверженъ сему ужасному произшествію. Радость Беатрисы при чтеніи письма сего столько была жива, что Цезарь едва могъ удержаться отъ намѣренія своего, во всемъ ей признаться; но такъ какъ искренность была всегда главною его добродѣтелию, то онъ колебался только одну минушу, а потомъ принесъ чистосердечную исповѣдь въ опытѣ, которому подвергалъ любовь Беатрисы. „Одинъ случай, сказалъ онъ,“ сдѣлалъ труднымъ сей опытѣ, коего единственная цѣль была разрушить подозрѣнія Жіованни. Выговоря сіи слова, Цезарь съ стыдомъ потупилъ глаза въ землю, и потому не примѣ-

шилъ живаго румянца, разливагося на щекахъ Беатрисы.

Когда Адимари умолкъ: по она долгое время хранила молчаніе; не зная приписать ли подозрѣнія Жіованни раждающейсе любви, которую онъ къ ней чувствовалъ, или вѣрной привязанности его къ своему другу. Беатриса ощущала, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, равнымъ образомъ необходимо было для нее скрыть смущеніе свое отъ Цезаря; по чему и сказала ему: „Ты можешь оскорбить меня; — но никогда не заспавишь быть къ тебѣ равнодушною. Признаюсь, для меня весьма непріятны были и нечаянный отъѣздъ твой и твое молчаніе, но я слишкомъ горда, и потому не хотѣла спросить у тебѣ о причинѣ оныхъ; — даже

никогда не стала бы о томъ съ тобою говорить... Но когда мнѣ сказали объ ужасномъ произшествіи... “ Она остановилась, покраснѣла и закрыла лице свое. Цезарь, не отвѣчая, съ нѣжностію пожалъ ей руку, а она прижала его къ своему сердцу. Тщетно захотѣлибъ мы описать восхищеніе Цезаря! Онъ почиталъ себя обладателемъ сердца своей возлюбленной; думалъ замѣшкать въ ней даже чувствительность, которой до сего времени почиталъ ее лишенною: — между тѣмъ какъ сердце Беатрисы билось единственно отъ надежды привязать къ себѣ новаго любовника, и отъ необходимости обманывать прежняго.

Съ сей минуты Цезарь всегда говорилъ съ нею о Жюван-

ни; сожальѣя о нещастіи, отпра-
вившемъ сердце своего друга,
которое заставляло его быть
недовѣрчивымъ ко всему женско-
му полу. Онъ радовался вмѣстѣ
съ нею тому, что заставитъ
Жіованни признаться въ своей
ошибкѣ. Въ продолженіи эта-
го времени, Беаприса много
чувствовала, но мало размыш-
ляла. Но однажды видя живость
Цезаря, она спрашивала у са-
мой себя: какъ онъ могъ ей
понравиться? Спокойствіе, на-
черпанное на лицѣ Жіованни,
высокой ростъ его и стройная
фигура, казались ей совершен-
нѣйшимъ образцомъ мужеской
красоты; а кроткое владыче-
ство, какое онъ имѣлъ надъ
самимъ собою и надъ другими,
одно уже казалось ей достой-
нымъ покорить благородное и
гордое сердце. Пріятности

Цезаря, и выразительность его физиономіи пересшла уже очаровывать ея взоры; а чувствительность его, краснорѣчіе, и пылкое воображеніе, не занимали болѣе пошому, что она уже не любила его.

Кромѣ сего, она начинала также скучать людьми ее окружавшими, и забавами, коими наслаждалась; пошому, что первыя были всѣ ея невольниками, а послѣднія слишкомъ единообразны. Непостоянство Беатрисы жаждало новости, а кокетство требовало труднаго завоеванія. Она не преспавала воображать, сколькобы было для нее славно, убедить Жіованни оставить предразсудки свои прошивъ женскаго пола, засшавивъ его упасъ къ ногамъ своимъ. Иногда чувствовала себя способною перемѣ-

нишь не только свой вкусъ, но даже и характеръ, лишь бы только ему понравиться. Но тщетныя предположенія! Беатриса не знала собственнаго своего сердца. Она не знала того, что любила Жіованни, точно также, какъ до селъ любила Цезаря; — т. е. какъ дитя, любящее игрушку, въ которой ему опазываютъ, которую оно всячески старается получить; — но получивши бросаетъ и желаетъ имѣть другую.

Въ день отъѣзда Жіованни, Беатриса всю ночь провела въ слезахъ; точно также сдѣлала она и тогда, когда Цезарь не пришелъ въ первый разъ на назначенное имѣ свиданіе. Но на другой день она утѣшилась мыслию о томъ, что онъ спанетъ дѣлать и говорить по

своёмъ возвращеніи. Не зная никакихъ препятствій своимъ желаніямъ, она даже оныхъ и не предполагала; — и пошому сдѣлалась попрежнему веселою и опять занялась удовольствіями. Между тѣмъ Цезарь, очарованный своею любовницею болѣе нежели когда либо, предавался своему блаженству. Будущее представлялось взору его въ видѣ безоблачнаго неба. Послѣднія успѣхи его награждены были отъ республики не одною благодарностію, но и величайшими почестями; великій Герцогъ Тосканскій въ признательность за услугу, оказанную имъ его подданнымъ, прислалъ ему орденъ звѣзды, съ брилліаншевою цѣпью, при собственноручномъ письмѣ. Взоры соотечественниковъ устремлены были на юнаго ге•

роя. Уже Цезарь достигъ теперь славы, которой жаждалъ; ему недоставало только богатства, чтобъ быть на верьху своихъ желаній и щаспія.

Г Л А В А V.

Въ теченіи сего времени Жіованни возвратился въ Геную. Поручивши Родольфа почтенной своей домоправительницѣ, онъ пошелъ на площадь Акваверде, въ домъ Синдика, и нашелъ Цезаря въ готовности идти на гулянье, гдѣ Беатриса назначила ему свиданіе съ собою. Мы не беремъ описывать радости и восхищенія, съ каковыми обнялись друзья наши послѣ продолжительной разлуки. Цезарь принялъ Жіо-

ванни съ такою нѣжностію , что сей послѣдній съ трудомъ могъ скрыть отъ него успѣхъ путешествія своего въ Марсель ; но такъ какъ это было еще не совсѣмъ вѣрно , то онъ удержался , чтобы не заставивъ друга своего по пустому надѣяться , и рассказалъ ему только прочіе подробности своего путешествія . — Изъявивши искренное сожалѣніе о участи Г-жи Фронзакъ , и сказавъ нѣсколько сострадательныхъ словъ о бѣдномъ Каготѣ . Цезарь старался убѣдить Жіованни , въ несправедливости подозрѣній его на счетъ характера Беатрисы . Онъ приводилъ въ доказательство сердечную горестъ , какую показала она , когда думала , что Жіованни погибъ отъ разбойниковъ ; описалъ , что она пре-

мертвѣла, не будучи еще совершенно въ шомѣ увѣрена, и шомѣ радость ся, когда убѣдилась въ пропивномѣ; наконецъ изобразивъ ему участие, какое она въ немѣ принимала, совсѣмъ жаромъ ничего не подозрѣвающей искренности, не забылъ также сказать, что первыя слова ею произнесенныя, когда она пришла въ чувства, были: „но гдѣ же другъ вашъ?“

При сихъ словахъ Цезарь примѣтилъ, что Жіованни покраснѣлъ; но въ это время не обратилъ на то никакого вниманія. Въ послѣдствіи же вспомнивъ о семъ, вывелъ изъ того гибельныя заключенія. Не понятно, откуда могутъ родиться сіи впечатлѣнія, остающіяся въ душѣ нашей совсѣмъ не примѣтнымъ для насъ образомъ? которыя ни тогда, ни

послѣ не будучи возбуждаемы
 въ насѣ ни размышленіемъ, ни
 примѣчаніемъ, оспаются одна-
 ко же запечатлѣнными въ на-
 шемъ разумѣ и памяти? Жю-
 ванни весьма бы доволенъ былъ,
 еслибъ Цезарь, увидя смуще-
 ніе его, внимательнѣе подумалъ
 о поступкѣ Беанрисы и возы-
 мѣлъ бы подозрѣніе на щепъ
 того, что происходило въ ея
 сердцѣ. Цигала не опасался,
 чтобъ онъ спалъ предполагать
 въ немъ любовь къ ней; но же-
 лалъ только избавить себя отъ
 тягостной и непристойной
 обязанности, открыть глазамъ
 любовника непостоянство пред-
 мета его страсти; зная при-
 томъ, что самъ былъ причи-
 ною сего непостоянства.

Таковы были мысли его, ког-
 да Цезарь предложилъ ему про-
 гулку въ Сентъ-Пьеръ д'Арена,

на которую Жіованни съ удовольствіемъ согласился. Это прекрасное предмѣстіе было тогда мѣстомъ сборища всѣхъ Генуэзскихъ щеголей. Кареты были тогда въ весьма маломъ употребленіи, и небольшое число оныхъ находившееся на гуляньѣ, было занято особами пожилыхъ лѣтъ: Молодые же люди предпочипали верховую ѣзду, или прогулку пѣшкомъ; потому, что первое было веселѣе, а второе свободнѣе. Жіованни опираясь на руку Цезаря, шелъ по дорогѣ, ведущей къ мѣсту гульбища. Онъ давалъ замѣшительный контрастъ между шумною сценою, представлявшеюся ихъ взорамъ, и зрѣлищемъ безмолвной природы, гдѣ всіо наслаждалось спокойствіемъ: вдали мелькали

прекрасные сельскіе виды, а воздухъ наполненъ былъ ароматами. Море до такой степени было неподвижно, что еслибъ не слабый шумъ отъ волнъ, разбивавшихся у береговъ, то можнобъ почестъ оное кристальною плоскостію. Зеленѣющія горы между Сестри и Кампо-Марроне, позлащались лучами заходящаго солнца; а вечерняя звѣзда, показываясь иногда изъ заоблаковъ, блискавшихъ радужными цвѣтами, болѣе возбуждала къ нѣжности, нежели къ веселію. Созерцая нѣсколько минутъ сію картину, Жіованни обратилъ глаза на капящія колесницы и на лошадей, которыми покрыто было все гуляніе. “Какъ мы стараемся, сказалъ онъ, разрушать прелести природы! Зрѣлище мирнаго спо-

койствія , одолжено половиною своїхъ пріятностей тишинѣ , а эта шумная толпа , бѣгающая назадъ и впередъ , отнимаетъ у него всѣ сіи пріятности.

Цезарь хотѣлъ оправдать гуляющихъ , или покрайней мѣрѣ причину , которая каждого заставляла приходишь туда , — какъ вдругъ одна дама бѣжавшая верхомъ , оставивъ компанію , съ кою находилась , подбѣжала къ нимъ съ быстротою молніи. Перья красного и бѣлаго цвѣтовъ , украшавшіе голову рѣзваго ея бѣгуна , заставили Жіованни узнать Беатрису ; — а біеніе сердца Цезаря показало ему присудствіе его любезной.

„О, другъ мой!“ вскричала она съ краснорѣчивою радостію и прелестнымъ взоромъ , пре-

шпанувъ Жіованни руку. Голосъ ея никогда не казался до-
 вѣрчивому слуху Цезаря
 шполь пріятнымъ, какъ въ сію
 минушу; потому что удивле-
 ніе, оказываемое ею къ Жіо-
 ванни, почиталъ онъ доказа-
 тельствомъ превосходнаго ея
 характера. Онъ взялъ за узду
 лошадь, копорую она едва мог-
 ла удерживать; но Цигала не
 предлагая услугъ своихъ, про-
 сто поклонился ей опощедши
 на нѣкоторое разстояніе, и
 взглянулъ на нее вмѣсто оп-
 вѣща суровымъ образомъ. Такъ,
 какъ Цезарь въ сію минушу
 отвернулся поздороваться съ
 особами бывшими вмѣстѣ съ
 нею, то Беатриса воспользова-
 лась симъ случаемъ, чтобъ
 бросить на Жіованни взоръ,
 который ясно выражалъ, сколь-
 ко она оскорблена была его

холодностію. Взглядъ сей за-
снѣвилъ Жіованни пошупишь
глаза; но онъ принялъ пвердое
намѣреніе вывести ее изъ шер-
пѣнія своею спротгоспію и не-
преклоннымъ молчаніемъ. По-
чему спросивъ ее о здоровьѣ,
обратился къ Марку Дорію,
который былъ въ числѣ ком-
паніи, и повторилъ ему замѣ-
чаніе, которое сообщилъ Це-
зарю: о безуміи свѣтскихъ лю-
дей, которые искали уедине-
нія въ многочисленномъ обще-
ствѣ, и чистаго деревенскаго
воздуха въ облакахъ пыли.

„Но кто же приходитъ сю-
да искать уединенія и чиста-
го воздуха? сказалъ Марко,
для котораго удовольствія об-
щества казались въ то время
дурачествомъ; женщины быва-
ютъ здѣсь единственно съ-
тѣмъ, чтобы наносить смер-

мельные удары, а мы для того, чтобы имъ подвергаться. Однимъ словомъ, мужчины и женщины посѣщаютъ Сент-Піерръ д'Арену съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы или увидѣться съ предметами прежней спраси, или для того, чтобы вновь влюбиться. Полно, полно, не скрывайтесь! вѣрно какая нибудь красавица и васъ привлекла въ сіи мѣста? "

Жіованни покачалъ головою съ презрительною усмѣшкою; но когда Марко опять повторилъ свою шутку: тогда принявъ на себя спокойный и холодный видъ, болѣе пагубный для надеждъ Беатрисы, нежели самое величайшее презрѣніе, онъ сказалъ съ живостію:

„Вы напрасно беспокоитесь, я уже не опасаюсь вашихъ на-
Мал. Рыц. Ч. II. K

смѣшекъ; пошому что время дурачиться, давно для меня прошло. Я много почитаю моихъ друзей, которые нынѣ страдаютъ отъ пиранства любовной страсти, но желалъ бы, однако же, чтобы они опомнились подобно мнѣ, и обратили склонности свои на разумнѣйшіе предметы.“

Измѣнникъ! вскричалъ Цезарь съ веселымъ видомъ, бросивъ взоръ на Беатрису. Но какъ онъ удивился, когда увидѣлъ, что щеки ея орошены слезами! Онъ приблизился къ ней, извѣвая удивленіе, любопытство и вмѣстѣ страхъ; но ничто не могло сравниться съ досадою Беатрисы.

„Вашъ другъ меня обидѣлъ,“ сказала она завернувъ голову въ свое *Меццаро*, которое до того времени было распушено.

„Мой другъ? ... Жіованни?“ . . .
 воскликнулъ Цезарь съ величайшимъ удивленіемъ, попому что вспомнивъ о словахъ Синь-іора Цигала, онъ не могъ понять насмѣшки, которая въ нихъ заключалась. Всѣ гости громко жаловались на несправедливость обвиненія. Одинъ только Жіованни хранилъ безмолвіе; сердце его билось отъ негодованія. Онъ не зналъ чему болѣе удивлялся: капризу ли Беатрисы или ослѣпленію Цезаря, который не переставалъ вѣрить ея чистосердечію. Всѣ присутствующіе повторивъ слова Жіованни, извѣляли удивленіе, какъ могла Беатриса ими оскорбиться, и принявъ ихъ на свой щетъ; тогда и сама она подумавъ, что одна только могла понимать истинный смыслъ сихъ словъ, сожа-

лѣла о томъ, что обнаружила себя и, такъ сказать, призналась въ томъ, что заслужила такой упрекъ.

При сей мысли она покраснѣла, пришворно засмѣялась, и призналась въ своей ошибкѣ, извиняясь тѣмъ, что слишкомъ вспыльчива. Тогда Цезарь взявъ руки Беатрисы и Жіованни, и соединя ихъ вмѣстѣ сказалъ:

„Къ щаспію, что облако пыли насъ отъ всѣхъ скрываетъ, а безъ того мы обратили бы на себя вниманіе всей публики.“

Когда миръ былъ возстановленъ, покрайней мѣрѣ по наружности: то Беатриса сказала, что она очень устала и что время было возвратиться домой. Марко вызвался увѣдомить о томъ Маркизу, коюрой карета была въ ряду съ

другими; отвѣзжая онъ сказалъ Цезарю на ухо: “ Кареша старухи ъдепъ медленнѣе похоронней колесницы; и прежде нежели она приблизится, ты будешь имѣть время сочинить цѣлой романъ. “

Синьѳоръ Кальва и дамы поѣхали шагомъ, пошому что оба друга шли пѣшкомъ. Нѣсколько шутокъ, сдѣланныхъ симъ Синьѳоромъ на щепъ головнаго убора своей жены, оживили разговоръ, который безъ того былъ бы скученъ, пошому что Беаприса не могла преодолѣть досады, которую причиняло ей равнодушіе Жіованни, а сей послѣдній не хотѣлъ принять на себя труда, возвратитъ ей прежнюю веселость.

Цезарь въ смущеніи и замѣшательствѣ не зналъ, что по-

Мал. Рыц. Ч. II. К 2.

думать. Боязнь и горестныя предчувствія терзали его душу, потому что онъ совершенно былъ увѣренъ въ томъ, что Беатриса имѣла какую нибудь побудительную причину такъ поступать. Несчастный даже и не подозрѣвалъ истинной причины! Иногда думалъ онъ, что можетъ быть несправедливое опвращеніе, показываемое Жіованни къ Беатрисѣ, было замѣчено сею послѣднею, и что она симъ оскорблялась. Цезарь предвидѣлъ онъ сего множество печалей и страшился, чтобъ другъ и любовница въ одно время не разсперзали его сердца. Сіи мысли погрузили его въ столь горестную задумчивость, что онъ ничего не мыслилъ и не опвѣчалъ на вопросы, ему предлагаемые; но мало по малу ха-

рактеръ его, отъ природы до-
вѣрчивый, одержалъ опять по-
бѣду, и онъ льстилъ себя на-
деждою, что безъ труда по-
миритъ двухъ особъ для него
драгоцѣнныхъ, познакомивши
ихъ другъ съ другомъ поко-
роче.

Вмѣсто того, чтобы вѣхаться
въ Палаццо-Россо въ главныя
ворота, Беатриса сошла съ
лошади и вошла въ садовую
калитку. Опустивши пажу
своего она простилась съ гостя-
ми. Всѣ удалились — кромѣ
Цезаря, который сказалъ ей
тихонько, что ей не ловко бы-
ло идти одной въ сумерки по
саду, и предложилъ проводить
ее до самаго дому. Беатриса
согласилась; но не могла уже
болѣе притворяться хладно-
кровною, потому что равно-
душіе Жіованни во время про-

гулки лишило ее совершенно твердости, и она удалясь теперь отъ постороннихъ, даже въ присудствіи Цезаря преда-лась всей жестокости страстей своихъ. —

„Нѣтъ,“ воскликнула она голосомъ отчаянія, проливая слезы, и опшпалкивая руку, которую подавалъ ей Цезарь.

„Нѣтъ, я не могу, да и не хочу никогда быть твоею. Другъ твой меня ненавидитъ. . . . не-благодарный, не чувствительный Жіованни!“

— „Тебя ненавидитъ! . . . Кто? Жіованни? И ты не хочешь быть моею? . . . Беатриса!“

Беатриса опомнилась; но не переставала плакать. Слезы ея полились еще сильнѣе, когда она произнесла сіи слова: „Могу ли быть щастлива, когда точно увѣрена, что любезнѣй-

шій другъ моего супруга меня не любишь? Онъ станетъ представлять ему мои поступки въ ложномъ видѣ, и наконецъ внушитъ ему свои подозрѣнія.“

„О небо!“ воскликнулъ Цезарь, „не ужели я долженъ колебаться въ выборѣ между моимъ другомъ и Беатрисою?“ Сказавъ сіи слова онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и запрепещалъ.

Беатриса оперлась на плечо его всхлипывая. „Но почемужъ онъ меня не любитъ?“ сказала она крошкимъ голосомъ; „ѣмъ я заслужила столь жестокое съ его стороны обращеніе?“

„Успокойся, любезная Беатриса,“ отвѣчалъ Цезарь, заставляя ее сѣсть на дерновое канапе, подлѣ одного фаншана, „чрезмѣрная чувствительность

приводитъ тебя въ заблужденіе. Досажую на себя, что сообщилъ тебѣ о странныхъ мысляхъ Жіованни въ разсужденіи вашего пола? Я бы долженъ былъ прибавить покрайней мѣрѣ, что онъ далъ мнѣ слово, склонись когда нибудь и на твою сторону. “

„Когда? . . . Какъ? . . . вскричала Беатриса.

Цезарь прижалъ ее къ своему сердцу и сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо; но Беатриса освободясь изъ его объятій, отвѣчала прерывающимся голосомъ: „Въ этотъ день! . . . Ахъ! не говори мнѣ объ немъ, Цезарь. . . . твой другъ меня ненавидитъ . . . и . . . и . . . не думай, чтобъ я рѣшилась разорвать узы . . . .“

— „О, моя Беатриса! для чего ты мучишь себя пустымъ

страхомъ? Ты судишь о Жюванни, какъ объ обыкновенномъ человѣкѣ, и въ этомъ случаѣ весьма ошибаешься. Не ужели ты забыла, что священные обѣщанья, нѣкогда имъ произнесенные, заставили его погасить въ себѣ тѣ чувства, которыя могли бы привлечь его къ вашему любезному полу? Не ужели ты забыла, что онъ всегда помышляетъ только о Богѣ, и что въ сравненіи съ нимъ всѣ творенія кажутся ему несовершенными? Наконецъ тамъ, гдѣ твой Цезарь думаетъ видѣть только свѣтъ, чистѣйшій огонь и щастіе, — онъ находитъ нѣкоторыя недоспадки, которые природа оставила въ тѣмъ, чтобы Беатриса не содѣлалась совершеннымъ Ангеломъ.

Онъ останоуился, а Беатри-

ея, успокоенная сею пріятною лєспью, поблагодарила его прелєспною улыбокю. Цезарь продолжалъ :

„Жіованни нѣсколько мечтательнѣ. Онѣ желаетѣ найти Ангеловѣ на землѣ, и если бы въ самомѣ дѣлѣ ты имѣла всѣ совершенства, то удовольствована бы его желаніе. — Вотѣ для чего не показываєтѣ онѣ тебѣ никогда своего удивленія и говоритѣ съ тобою сурово. Повѣрь мнѣ, что ему многого спойтѣ скрываетѣ, подѣ тономѣ упрека, то живѣйшее участіе, которе ты ему внушаєшь. Онѣ часто признавался мнѣ самѣ, что ты прелєспна не только во время гордыхѣ твоихѣ поступковѣ, но даже и въ минуты раскаянія.“

„Прелєспна !“ повторила Беатриса, — и въ глазахѣ ея

заблистала радость. „Ахъ! если бы ты могъ доказать мнѣ, что Жіованни, что твоей другъ меня не презираетъ! . . . Но нѣтъ. . . онъ всегда меня будетъ презирать.“

Цезарь сѣвшиль пересказать ей всѣ выраженія, которыя Жіованни упопребляль говоря объ ней, и которыя ясно показывали участіе, принимаемое имъ въ Беатрисѣ. Онъ даже прибавилъ много своего къ симъ выраженіямъ, можетъ быть безъ намѣренія; и возвысилъ ихъ цѣну, не упомянувъ о времени, когда и по какому случаю происходилъ между ими сей разговоръ. Тогда Беатриса впала въ глубокую задумчивость и предалась пріяшнимъ размышленіямъ. Она охотно утвердилась въ томъ мнѣніи, что причина холодности Жіо-

ванни происходила отъ любви къ ней, которую онъ старался преодолѣть, и что романическая вѣрность, которую онъ хотѣлъ хранить къ своему другу, обязывала его можетъ быть бороться съ самимъ собою. Съ сего времени она не сомнѣвалась, чтобъ любовь не одержала побѣды, и упоенная воспоргомъ отъ сей мысли, она откинула всякое принужденіе, заглушивъ упреки своей совѣсти; — и рѣшилась пожертвовать спокойствіемъ Цезаря и честью Жіованни, единственно для удовлетворенія скоро переходящаго каприза.

Вспавши съ дерноваго канапе, она сказала Цезарю съ радостнымъ и довольнымъ видомъ:

„Помири меня съ твоимъ другомъ, и проси Синьора Цигалу, чтобъ онъ по прежнему

носѣщаль меня; будьте у насъ почаще! . . . . Скажи ему отъ меня, что я готова оставить не только всѣ свои капризы, но даже опказываюсь отъ забавъ и удовольствій, лишь бы только понравилась другу моего Цезаря, “

При сихъ словахъ она пошепила глаза и понизила голосъ; а легковѣрный Цезарь оцѣпъ восхищенъ былъ нѣжностію ея и великодушіемъ. Однако же стараясь убѣдить Беатрису, онъ самъ слишкомъ былъ увѣренъ въ справедливости ея подозрѣній, попому что чрезмѣрная холодность къ ней Жіованни, въ послѣднее свиданіе, весьма его удивила. Цезарь не думалъ, чтобъ Цигала, услыша отъ него о жестокихъ мученіяхъ, претерпѣнныхъ Беатрисою при ложномъ извѣстіи

о его смерти; спалъ сопротавляясь съ столь очевидному доказательству дружества, которое пицала она къ чловѣку, не имѣвшему никакого другаго права на оное, кромѣ того, что былъ другомъ ея любовника. Видя, что Жіованни былъ столько несправедливъ, что не убѣдился симъ доказательствомъ, Цезарь надѣялся, что покрайней мѣрѣ новое великодушіе Беатрисы заставитъ его почищать ее.

„Завтра я приведу его къ вамъ, сказалъ онъ прощаясь съ нею, сердечно желаю, чтобъ ты съ нимъ помирилась, и послѣ этого, моя любезнѣйшая Беатриса! да совокупятся три сердца наши воедино!“

Беатриса не могла снести словъ сихъ, выражавшихъ нѣжность и довѣренность. Свѣтъ

луны отражался на лицѣ Цезаря, и она опиврашила глаза свои, встрѣтивши его взоры на себя успрямленные. Раскаяваясь и вмѣстѣ торжествуя, она была въ нервшимо-спии: сохранишь ли ей свою вѣрность, или сдѣлашь Жіованни вѣроломнымъ. Слабо пожавъ руку ослѣпленнаго своего любовника, она оставила его и вошла въ домъ.

Г Л А В А VI.

Цезарь пошелъ въ Страда Ломеллино, гдѣ нашелъ Жіованни спокойно сидящаго и разговаривающаго съ Родольфомъ, при свѣтѣ той самой луны, которой лучей Беатриса старалась избѣгнуть. Неперпѣ-
Мал. Рыц. Ч. II. Л 2.

ніе Цезаря уступило однако же чувствамъ челоѵколюбїа. Онѵ очень мало зналъ ино-спранные языки, но однако же могъ говорить нѣсколько по Французски; припомѵ же благосклонной видѵ его дѵйство-валѵ гораздо болѵе нежели сло-ва. Подѵшедши къ Кагопу онѵ взялъ его за руку. Родольфѵ подалъ ему свою руку съ уди-вленїемъ; смотря попеременно то на веселую его фїзїономїю, то на кропкое лице своего го-сподина, онѵ поднесѵ съ поч-типельностїю къ губамъ сво-имъ руку Цезаря; но потомѵ подбѵжавѵ къ Жїованни, схва-тилѵ его руку, нѣсколько разѵ поцѵловалѵ оную съ чувствомъ признательности, — и поспѵш-но вышелѵ изѵ комнаты. Друзья наши нѣсколько минутѵ говорили о чувствительности

Родольфа; послѣ чего Цезарь повпори́лъ съ искренностію Жіованни разговоръ свой съ Беатрисою, признавшись въ удивленіи, которое произвела въ немъ его холодность къ ласкамъ Беатрисы. Жіованни слушалъ не говоря ни слова, помышляя о томъ, что ему опъвѣчатъ на сіе? Наконецъ сказалъ съ живостію и опкровенно: “я не могу теперь перемѣнить своего характера. Цезарь! мы влялись взаимно въ искренней дружбѣ, и потому ты долженъ также переносить мою холодность, какъ я переносу твою вспыльчивость. Ты слишкомъ много перебуешь опъ меня, желая, чпобы я воспламенился при одномъ видѣ *твоей* любовницы; я говорилъ съ нею пакъ, какъ и всякой человекъ, одаренный разу-

момъ сталъ бы говорить съ
будущею супругою своего дру-
га. И, потому ни ты не мо-
жешь требовать, ни она не
должна ничего болѣе ожидать
отъ меня.“

„Нѣтъ, Жіованни, ты не
хладнокровнаго характера, но
ты не можешь однако же за-
переться въ томъ, что съ при-
мѣрнымъ равнодушіемъ при-
нялъ прогапельную радость
Беатрисы. Увѣренъ, что пори-
цаешь ее еще и теперь во глу-
бинѣ своего сердца, скажи мнѣ,
что тебѣ въ ней не нравится?
Дружба наша даетъ мнѣ пра-
во спросить тебя объ этомъ?“

Жіованни, помолчавъ нѣсколь-
ко, сказалъ: “искренность моя
или оскорбить тебя, или огор-
чить; однако же когда меня
принуждаютъ... то я рѣши-
тельно признаюсь, что въ са-

момъ дѣлѣ нахожу въ ней одинъ недостатокъ, который весьма мнѣ не нравится. Повѣрь однакожъ, что для меня нѣтъ ничего въ свѣтѣ драгоцѣннѣе ея дружбы; если она только въ самомъ дѣлѣ питаетъ ко мнѣ оную, и если послѣдуетъ совѣщю, который намѣренъ подать ей, тогда она меня сдѣлаетъ щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, попому что ускоришь щастіе моего друга, и тѣмъ сохранишь его ко мнѣ дружбу. Я пойду завтра къ ней съ тобою вмѣстѣ; и будь увѣренъ, что попрошу у ней извиненія въ своей суровости, съ такою же искренностію, съ какою она исполнитъ обѣщаніе свое исправиться.“

„Взоры твои противорѣчатъ словамъ. Но что это за совершенство, до котораго нельзя

достигнуть, и котораго ты потребуешь отъ нее? Я не понимаю ни себя, ни Беатрисы. Ради Бога скажи мнѣ, чего ты отъ нее потребуешь? Когда мы говорили съ тобою передъ отъѣздомъ твоимъ во Францію, то ты сказалъ, что въ ней недостаетъ чувствительности; а теперь кажется находишь тому противное. Признайся, Жіованни, что ты непостояненъ въ своемъ сужденіи? „

„Это такъ кажется,“ возразилъ Жіованни, „но имѣй терпѣніе. Завтра я попробую отъ нее доказательства ея ко мнѣ дружбы, любви къ тебѣ и почтенія къ себѣ самой. Если же она мнѣ въ этомъ откажетъ, то и ты долженъ отъ нее отказаться.“

„Отъ нее откажись ! “
вскричалъ Цезарь неподвижный
отъ изумленія.

— „Еслижъ напротивъ того
она исполнитъ мою прозьбу и
проститъ меня; то я призна-
юсь въ своей винѣ, и стану
почитать ее ангеломъ; попо-
му, что въ этомъ случаѣ по-
ступокъ мой покажется ей бо-
лѣе прежняго непонятнымъ.“

— „Ты выводилъ меня изъ
терпѣнія, сказалъ Цезарь. Не
станемъ болѣе спорить, попо-
му что я понимаю тебя те-
перь. Ты подозрѣваешь Беат-
рису въ обманѣ; думаешь, что
она притворяется, показывая
къ тебѣ дружбу, которой во
все не чувствуетъ.“

Жіованни отворопился и
вздохнулъ, сожалья объ ослѣп-
леніи своего друга.

„Ты мнѣ не отвѣчаешь, продолжалъ Цезарь, разгорячаясь поспешенно. И такъ разслабнемся на сегоднѣшній день; завтра поушрү я зайду за тобою, и пойдёмъ вмѣстѣ къ Беаприсѣ. Мы найдемъ ее одну, и тогда ты можешь извѣститься; ты скажешь ей то преступленіе, въ коемъ ее обвиняешь, и опытъ, копорому хочешь подвергнуть ея искренность! Покрайней мѣрѣ я узнаю, кому долженъ ввѣрить половину своего благополучія: другу или безумному?“

Послѣднія слова Цезарь произнесъ суровымъ голосомъ, не взявъ даже руки поданной ему Жіованни, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Жіованни по уходѣ его почувствовалъ смѣшеніе горести, боязни и состраданія; чтобъ утѣшить себя въ

несправедливости друга, онъ пошелъ исполнить одно благо-творительное дѣло.

На другой день при свиданіи, одинъ имѣлъ видъ недовольный, другой же былъ важенъ. Цезарь чувствовалъ себя обиженнымъ, (что было не совсѣмъ не справедливо) странною строгостію своего друга; а Жіованни размышлялъ о средствахъ удостовѣрить Цезаря въ непостоянствѣ Беатрисы, въ которомъ самъ былъ твердо увѣренъ; но не могъ представить никакихъ на то доказательствъ. Въ безмолвіи они прошли Страда Нуову, и вошли въ домъ Бриньолеши, гдѣ одинъ пажъ проводилъ ихъ къ Беатрисѣ. Она была окружена цвѣтами, и блистала между ими, какъ самый свѣжій и прекраснѣйшій. Надежда, ко-

шорою ласкалась со вчерашня-го дня, возбудила на щекахъ ея прелестнѣйшій — живой румянецъ. При видѣ двухъ друзей, она поспѣшно встала, и пропянувъ обѣ руки свои вскричала: “ Я надѣюсь, Синь-іоръ Жіованни, что мы останемся по прежнему друзьями.

О! еслибъ вы только могли прочесть въ моемъ сердцѣ, то увидѣли бы, до какой степени я желаю снискать ваше уваженіе.” Никто бы не могъ вообразить, увидя взоръ ея исполненный опкровенности и чистосердечія, чтобъ она имѣла чувства, которыя хотѣла скрыть. Самъ Жіованни поколебался въ своемъ мнѣніи; но однако же тотчасъ оправившись подошелъ ближе, взялъ ее за руку, и смотря на нее пристально сказалъ:

„Позвольте ли мнѣ, сударыня, говорить съ вами откровенно? и простите ли, есльи я не такъ понялъ ваши намѣренія? въ такомъ случаѣ буду просить также и Цезаря простить меня.“

— „Говорите, сударь,“ прервала Беатриса покраснѣвши.

— „Съ первыхъ дней моего съ вами знакомства, Синьора, я осмѣлился дать вамъ замѣтить небольшія заблужденія, свойственныя вашему полу; и имѣлъ удовольствіе видѣть, что вы старались въ оныхъ исправиться. Я не могъ сдѣлать большаго доказательсва почтенія моего къ вамъ и къ моему другу, какъ принявъ на себя такую смѣлость; — и вы въ томъ меня простили.“

— „Это правда, сударь,“ сказала Беатриса, запинаясь отъ

ужаса, которому сама не знала причини; Жіованни продолжалъ:

— „Тогда не было между нами ни холодноспи, ни неудовольствія; и я любилъ васъ какъ родную сестру. Но съ того времени, замѣтилъ или такъ мнѣ показалось, что любовь ваша къ моему другу совсѣмъ была уже не та; — что вы играете его счастьемъ, и не имѣете намѣренія исполнить своихъ обязанностей въ разсужденіи его.“

Жіованни былъ прерванъ восклицаніемъ Цезаря, извѣявшимъ его негодованіе; Беатрикса же схвативъ руку своего любезнаго, и не имѣя духа выслушать до конца сего обьясненія, сказала отъвертивъ глаза оубъ Жіованни:

„Выведите меня отъ сюда, я не могу болѣе слушать.“

„Останьтесь, Синьора! ради Бога останьтесь! вскричалъ Жіованни, смолпя пристально на трепещущую Беатрису и на своего друга, коего гнѣвъ постепенно увеличивался. Дружба моя къ Цезарю подвержена въ сію минушу опасности, и мнѣ не много остается договорить вамъ. Если я васъ обвинялъ напрасно, то отъ васъ самихъ зависитъ сей часъ доказать мнѣ тому прошивное, поступивъ какъ долгъ вашъ того пребудетъ: Признайтесь въ любви своей вашей мапушкѣ.“

— „Мапушкѣ! вскричала Беатриса съ досадою и ужасомъ. Могу ли перенести гнѣвъ ея? Нѣтъ, нѣтъ, не подвергайте меня столь трудному опыту.“

Мал. Рыц. Ч. II. М 2

Она замолчала, и глаза ея
орошенные слезами вырази-
тельно посмопръбли на Жіо-
ванни.

„Мнѣ кажется, что бытъ
вѣроломною гораздо труднѣе,
сказалъ Жіованни съ твердо-
стію и вмѣстѣ съ сострада-
ніемъ. Беатриса поняла сіи сло-
ва и залилась слезами. Тогда
Цезарь пожавъ руку своей воз-
любленной вскричалъ: Довольно,
Жіованни, я не позволяю тебѣ
продолжать. При сихъ словахъ
суровость показалаь на лицѣ
его, и оно воспріяло прежнюю
свою гордость. Жіованни вспо-
мнилъ въ сію минуу о дняхъ
прошедшихъ, и съ чувствомъ
посмопръвъ на своего друга,
не отвѣчалъ. Цезарь же прео-
дольвъ первое дѣйствіе своего
гнѣва, продолжалъ такимъ об-
разомъ:

„За чѣмъ требовать такого жестокаго доказательства отъ сердца, на которое я совершенно полагаюсь? Ты нѣсколько разъ о шомъ говорилъ, и я всегда отвѣчалъ: что такое признаніе возбудитъ гнѣвъ ея мащери и, можетъ быть, будетъ причиною, что мнѣ откажутъ отъ дому. Ты знаешь, что отъ Маркизы зависитъ заключить дочь свою въ монастырь, и лишитъ до совершеннаго возраста всѣхъ удовольствій жизни; следовательно, весьма было бы глупо требовать согласія, котораго мы никогда не получимъ, и чрезъ то дать Маркизѣ предлогъ, насъ на всегда разлучить.“

„Но когда сіе случится, любезный Цезарь, прервалъ Жуванни съ кротостію, то по крайней мѣрѣ ты будешь чув-

спововати внутрешнее удоволь-
 ствiе отъ того, что испол-
 нилъ евой долгъ.—Малое время,
 которымъ ты ему пожертву-
 ешь, сдѣлаетъ васъ обѣихъ до-
 стоинными счастья. Я согласенъ,
 что Маркиза строга, често-
 любива и исполнена предраз-
 судковъ; но ты самъ происхо-
 дишь отъ благородной крови,
 и припомъ приобрѣлъ себѣ имя.
 Для чего Синьора не попробу-
 етъ представить матери сво-
 ей столь сильныя доказатель-
 ства? Для чего, когда ея влiя-
 нiе такъ велико на Маркизу,
 — опасается она такого слу-
 чая, отъ котораго зависить
 ея счастье и честное имя? Ми-
 лая Беатриса, прибавилъ онъ
 оборотясь къ ней, и взявъ ее
 за руку, повѣрьте мнѣ, что я
 не имѣю другаго желанiя, какъ
 только видѣть ваши сердца

соединенными, такъ какъ теперь соединена судьба ваша. Умоляю васъ сдѣлать тотъ поступокъ, который я вамъ предлагаю; потому что онъ одинъ только можетъ составить будущее ваше благополучіе.

Объявите вашу клятву, которую дали человеку, носящему уже на челѣ своемъ вѣнецъ побѣдъ и почестей; разрушите мои подозрѣнія, которыя васъ оскорбляютъ, поступивъ какъ слѣдуетъ почтительной дочери; и симъ поступкомъ вы приобретете друга, который всю жизнь свою посвятитъ для того, чтобъ вознаградить жестокость, которую онъ теперь къ вамъ показываетъ. “

Взоры Жіованни выражали доброжелательство и искренность; и Беатриса, поднявъ гла-

за, посмотрила на него пристально въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ. Ахъ! сколько слезы, блиставшія въ ея взорахъ, были опасны и обольстительны! Какая выразишельность и пріятность въ нихъ царствовала!

— „Вы этого отъ меня требуете, Жіованни? сказала она послѣ долговременнаго молчанія, вы этого требуете!... и такъ я даю вамъ обѣщаніе!..“ Лишь только Беатриса произнесла слова сіи, какъ глаза ея закрылись, и она упала безъ чувствъ на руки восхищеннаго Цезаря. Жіованни посмотрѣлъ на нее нѣсколько времени съ сердцемъ, исполненнымъ чувствованій, которыя давно уже сдѣлались ему чуждыми; но слабость его продолжалась

не долго, онъ задремалъ, опомнился, и обращаясь къ Цезарю, сказалъ ему:

„Я можетъ быть слишкомъ далеко зашелъ; и теперь долженъ признаться, что сердце ея одарено не только чувствительностью, но даже и великодушіемъ. Когда она придетъ въ себя, то проси ее простить меня; скажи ей также, что я полагаюсь на обѣщанія ея въ разсужденіи вашего взаимнаго благополучія; и что съ сего времени Цезарь и Беатриса, будутъ занимать одно и то же мѣсто въ моемъ сердцѣ.“

Жюванни до такой степени былъ разстроганъ, что не могъ принудить себя; а смущенный Цезарь не зналъ чему приписать свои ощущенія: горести или удовольствію. Онъ чувствовалъ въ объятіяхъ

своихъ препенущее — нѣжное тѣло Беатрисы, и спрашивалъ самаго себя, къ чему все это вело, и какимъ могуществомъ Жіованни могъ принудить ее къ поступку, отъ котораго она сама ожидала однихъ только несчастій?

Въ замѣшательствѣ своемъ онъ не думалъ остановить Жіованни, и послѣ ухода его все еще оставался, держа въ объятіяхъ безчувственную Беатрису.

Жіованни пришелъ домой въ чрезвычайномъ волненіи духа; заперся въ самой отдаленной комнатѣ, гдѣ никто не смѣлъ его беспокоить, и предался тамъ своимъ размышленіямъ. Что я сдѣлалъ? — спросилъ онъ самаго себя: принудилъ молодую неопытную дѣвицу, выполнить обязанность, про-

ялся получить отъ нее рѣши-
тельный отказъ, нимало не
подумавъ о томъ, что и самое
непостоянное сердце, будучи
объято страстію, можетъ ощу-
щать кратко-временную воз-
вышенность въ чувствахъ.

Все обнаруживало невольную
склонность къ нему Беатрисы;
даже очень возможно было, что
вмѣсто любви, она ощущала къ
Цезарю одну только призна-
тельность; — въ такомъ слу-
чаѣ она заслуживала вмѣстѣ
и сожалѣніе и упреки, и Жю-
ванни не могъ не признаться,
что надобно быть или выше,
или ниже обыкновеннаго чело-
вѣка, чтобъ не пронуться
жертвою ею принесенною. Эти
чувства твердости и слабо-
сти, которыя она показала на
опытѣ, и которыя доведены
были до крайности, болѣе все-

го возбуждали къ нѣжности и состраданію — и на нѣсколько времени привели въ заблужденіе даже самаго Жіованни; но правила его ни мало отъ того не поколебались, — а сердце осталось вѣрнымъ другу и добродѣтели: однимъ словомъ, онъ ни въ чемъ не могъ обвинять себя.

Когда прошло смущеніе, произведенное въ немъ удивленіемъ и жалостію, то онъ опдалъ себѣ опчетъ въ своемъ поступкѣ, и увѣрился въ томъ, что не взирая на послѣдствія, могущія отъ онаго произойти, онъ ни въ чемъ не могъ себя упрекать. Безразсудное поведеніе Беатрисы заставило его принудить ее къ извѣщенію, долженствовавшему возбудить въ ней чувства чести, или по крайней мѣрѣ признаніе въ не-

постоянствѣ; припомѣ же это самое поведеніе обязывало его отказатьсь со всевозможнѣйшею нѣжностію онѣ того участія, которое могли предполагать будто бы онѣ принималѣ въ семѣ дѣлѣ. Жіованни исполнилѣ свой долгѣ; намѣреніе его было чисто — и какое бы ни было послѣдствіе, но онѣ ни за что не могѣ отвѣчать, кромѣ сего намѣренія.

Чѣмѣ болѣе размышлялѣ онѣ о томѣ, что произошло въ Палаццо-Россо, тѣмѣ болѣе увѣрялся, что Беатриса не сдержитѣ своего слова. Можетѣ бытъ она и осмѣлится проситѣ согласія своей матери на бракѣ съ Цезаремѣ; но никогда не будетѣ въ состояніи скрытъ отъ обращенія къ нему съ той минутой, какѣ спанетѣ почитать, что пожертвовала для

него собою. Чувства ея рано или поздно не замедлили бы обнаружиться, и неизбежнымъ слѣдствіемъ оныхъ было бы извѣсненіе и . . . . разводъ. Но между тѣмъ, подумалъ Жіованни, что сдѣлается съ нашею дружбою? При этой мысли онъ запрепешалъ, и сердце его не осмѣлилось отвѣчать на сей вопросъ; — но какъ бы то ни было, только Жіованни теперь совершенно увѣрился, что онъ хорошо сдѣлалъ, и сія увѣренность возбудила въ немъ мужество противъ всего того, что могло случиться.

Вечеромъ пришелъ къ нему Цезарь, съ тѣмъ, чтобы просить у него прощенія въ гнѣвѣ, которому предавался; онъ объявилъ, что убѣжденъ былъ теперь въ искренности дружбы, заставлявшей Жіованни

желать счастья его и Беатрисы; — прибавилъ даже, что рассудивъ хорошенько, нашелъ, что и самый долгъ согласовался съ поступкомъ имъ предписаннымъ. Послѣ чего давши волю пылкому своему воображенію Цезарь описалъ по блаженство, коимъ думалъ наслаждаться. Согласіе Маркизы, казалось ему, не трудно было получить, и онъ уже видѣлъ въ будущности новыя лавры его ожидавшія, которыя должны были оправдать выборъ его возлюбленной.

Жюванинъ съ трудомъ могъ принудить себя принять участие въ радости своего друга, потому что не зналъ что думать, и чего надѣяться отъ Беатрисы, чувствуя, что если она устоитъ въ своемъ намѣреніи, и въ самомъ дѣлѣ сдѣ-

лается женою его друга, то онъ навсегда долженъ будетъ позабыть о слабости, которую она къ нему имѣла, и что съ сей минуты непремѣнный долгъ его былъ хранить о семъ глубокое молчаніе; но рассуждая такимъ образомъ, Жіованни все не могъ раздѣлять благополучія своего друга.

На другой день поутру Цезарь показалъ ему записку, только что полученную имъ отъ Беатрисы. Вотъ содержаніе оной: —

„Какъ нарочно все совокупи-
 „лось, чтобъ меня терзать. —
 „Любезный Цезарь! вчера раз-
 „спавшись съ вами, я пощасъ
 „послала къ Синьорѣ Кальвѣ,
 „съ тѣмъ, чтобы попросить
 „и взять на себя ужасное при-
 „знаніе; — но посудите о сму-
 „щеніи моемъ и горести, ког-

„да узнала, что она уѣхала въ
 „деревню, и что никто не зналъ
 „о времени ея возвращенія?
 „Ахъ! сколько я плакала, ког-
 „да получила это извѣстіе! —
 „потому, что не могла поду-
 „мать безъ ужасу о томъ,
 „что произойдетъ между мною
 „и матушкою. — Можетъ бытьъ
 „слѣдствіемъ того будетъ мо-
 „наштырь, или вѣчная разлука
 „съ милымъ для меня человѣ-
 „комъ! Но какъ бы то ни было,
 „я рѣшилась на все, лишь бы
 „только сослала *твое* благо-
 „получіе, и заслужишь почте-
 „ніе своего друга; но не о
 „томъ теперь дѣло: Матушка
 „приказала сегодня позвать ме-
 „ня къ себѣ еще на разсвѣтѣ;
 „она такъ больна, что жизньъ
 „ея держится, какъ бы на воло-
 „скѣ. Могла ли я въ такую
 „минуту говорить ей объ ше-

„бѣ, обо мнѣ, или даже объ
 „комѣ бы по ни было? Скажи
 „Однако же своему другу, что
 „лишь только дни моей мапуш-
 „ки будутъ подвержены мень-
 „шей опасности, по я не по-
 „теряю ни минуты, чтобъ до-
 „казать ему, что я не слабая
 „женщина, лишенная добродѣ-
 „тели, какою онѣ меня почи-
 „таетъ. Прощай.“

Когда Жіованни прочелъ пись-
 мо, то Цезарь сказалъ ему,
 что самъ былъ уже въ Палац-
 цо-Россо, и узналъ тамъ, что
 Маркиза была еще опаснѣе,
 нежели какъ увѣряетъ дочь
 ея: она имѣла воспаленіе въ
 груди. При этомъ извѣстіи
 Жіованни покраснѣлъ, потому
 что подумалъ сначала, что
 Беанриса солгала; но потомъ
 старался утѣшить Цезаря,
 огорченнаго положеніемъ Беан-

ривѣ, давая ему замѣтить, что смерть Маркизы предоставляла дочери ея полную свободу слѣдовать своей склонности, которую попому только и можно было почестъ виновною, что она шла оную отъ матери.

Г Л А В А VII.

Во все время, какъ Маркиза находилась въ опасности, благоприспѣшность не позволяла дочери ея принимать визиты молодыхъ людей, и друзья наши были на нѣсколько дней, такъ сказать, изгнаны изъ Палаццо-Россо. Для Цезаря это было настоящимъ изгнаніемъ; но для Жюванни драгоценною минутою отдохновенія. Онъ посвѣ-

щаль по обыкновенію все время свое дѣятельной благотворительности, и для того ъздилъ изъ Генуи въ Нерви; а въ свободные часы занимался образованіемъ Родольфа. Духовникъ его, человекъ праводушный и знающій, взялся выучить Кагоша Испаліанскому языку и закону Божію. Самъ Жіованни наблюдалъ за домашнею жизнью Родольфа, и особенное находилъ удовольствіе въ изслѣдованіи успѣховъ ума его. Но онъ обманулся думая, что Родольфъ покажетъ удивленіе при видѣ художественныхъ произведеній. Сей послѣдній изъяснилъ сначала только глупое изумленіе, которое не оставило нималѣйшаго слѣда въ душѣ его; но мало по малу способность замѣчать появилась въ немъ; и по мѣрѣ того,

какъ она развертывалась, онъ
 смотрѣлъ, изслѣдывалъ, пони-
 малъ, и показывалъ вниманіе
 и удивленіе. Совершенные не-
 вѣжды могутъ иногда прійти
 въ изумленіе, но никогда не
 могутъ удивляться. Чѣмъ
 почувствовать истинную цѣ-
 ну какого нибудь новаго от-
 крытія въ наукахъ, или иску-
 ствахъ; то надлежитъ прежде
 умѣть судить о трудностяхъ,
 которыя были побѣждены, и
 о пользѣ, которую таковое
 открытіе принести можетъ.
 Такимъ образомъ любопытст-
 во и удовольствіе Родольфа
 увеличились вмѣстѣ съ его по-
 знаніями; но болѣе всего восхи-
 щала его благосклонность къ
 нему людей, потому что и са-
 мыя обыкновенныя ласки дол-
 женствовали казаться мило-
 стями для человека, который

до сего времени испытывалъ только одни оскорбленія. Благополучіе, коимъ наслаждался, возвратило Родольфу здоровье и лице его потеряло синевато-блѣдный цвѣтъ. Онъ привязанъ былъ къ Жіованни до такой степени, что сія привязанность доходила въ немъ до обожанія; онъ чувствовалъ себя счастливымъ, и уже изрѣдка теперь воспоминаніе объ Августѣ, извлекало слезы изъ глазъ его. Но однако же онъ никогда не забывалъ о семъ ребенкѣ, и даже посреди восторговъ радости и признательности, воспоминаніе объ немъ, примѣшиваясь къ симъ чувствамъ, дѣлало ихъ крошкими.

„Думаешь ли ты, что Родольфъ помышляетъ еще о своемъ блѣдномъ маленькомъ дру-
Мал. Рыц. Ч. II. О

гѣ ? “ спросилъ однажды Цезарь.

„Я въ томъ увѣренъ, потому что имѣю доказательство, опвѣчалъ Жіованни. “ Возвращаясь домой Родольфъ всегда говоритъ мнѣ, что вспрѣшилъ дитя похожее на Августа. Однакожъ сіе изображеніе не можетъ имѣть никакого сходства съ симъ робенкомъ, — и потому надобно думать, что сердце Родольфа непрестанно имѣ занимается; я охотно признаюсь, что за это еще болѣе его почитаю. “

Цезарь нашелъ это замѣчаніе весьма справедливымъ; потому что самъ никогда не могъ видѣть лица старца, которое выражало бы доброту и кротость, не найдя въ немъ нѣкотораго сходства съ лицомъ покойнаго отца своего.

По прошествіи двухъ недѣль, Маркиза Бриньолешпи была внѣ опасности; почему дочь ея съ радостію и нетерпѣніемъ приготовилась приниматъ поздравленіе отъ друзей своихъ. Когда Цезарь и Жіованни пріѣхали къ Беатрисѣ, то нашли ее разговаривающею съ Синьіоромъ Кальвою. Она довольно нескромнымъ образомъ выговаривала ему за то, что онъ уѣзжалъ изъ Генуи въ такое время, когда она крайнюю имѣла нужду въ немъ и женѣ его. Кальва догадался, что она чрезъ то хотѣла сказать, и понялъ, что услуга, которой она отъ него ожидала, состояла въ томъ, чтобы онъ помогъ ей видѣться съ особами, которыхъ она не могла приниматъ у себя по причинѣ болѣзни матери. Увидя вошедшаго Це-

заря, онъ улыбнулся и сказалъ пихонько Беатрисѣ:

„Повѣрьте, сестрица, что пора уже вамъ кончить эту интригу. Я на это рѣшился; — просите согласія Маркизы, или перестаньте съ нимъ видѣться, — покрайней мѣрѣ въ нашемъ домѣ. Я съ женою до сего времени покровительствовалъ любви вашей къ этому прекрасному молодому человѣку; но мнѣ кажется, что намъ лучше будетъ не мѣшаться въ это дѣло, потому что вы насъ съ нимъ разсорите, а сами отъ того не умрете.“

Окончивъ сіи слова, онъ поклонился ей и вышелъ изъ комнаты, — оставя Беатрису, покраснѣвшую отъ стыда и трепещущую отъ досады. Что ей теперь дѣлать въ такомъ жестокомъ положеніи? Она

ясно видѣла, что какъ вы имѣли подозрѣнія на щепъ перемѣны въ ея чувствованіяхъ, то могли сообщить сіи подозрѣнія Цезарю, который въ бѣшенствѣ могъ публично объявить о своемъ съ нею обязательствѣ, и тѣмъ показать Маркизѣ ея обманы. Чтожъ касается до Жіованни, то онъ сталъ бы ее презирать; — даже предполагая, что онъ любилъ ее, то и въ такомъ случаѣ смерть одного изъ друзей, а можетъ быть и обѣихъ, была бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ сего открытія.

Таковы были мысли ея въ то время, какъ Цезарь и Жіовани подходили къ ней. Въ первую минуту она ни слова не могла выговорить отъ смущенія, которое Цезарь принялъ за дѣтскую ея любовь, а Жіо-

Мал. Рыц. Ч. II. О 2.

ванни за внутреннее сраженіе съ самой собою. Желая показать ей, сколько для него пріятенъ былъ такой поступокъ, онъ началъ говорить съ нею съ нѣжнѣйшимъ соучастіемъ: спрашивалъ о подробностяхъ болѣзни Маркизы; хвалилъ Беатрису за то, что неусыпно находилась возлѣ постели матери; *увѣряя* ее тихимъ голосомъ, что если она всегда будетъ вести себя такимъ образомъ, то можетъ быть увѣрена въ почтеніи его и удивленіи.

Если Жіованни, при всей своей холодности и отвращеніи, казался любезнымъ Беатрисѣ; то теперь совершенно плѣнилъ ее, обращаясь съ нею дружески, и взирая на нее съ удовольствіемъ и одобреніемъ. Она съ трудомъ могла выдержи-

вать взоры его, и тысячи различных чувствований волновались въ ея сердцѣ. Блескъ прекрасныхъ черныхъ глазъ Цезаря и та любовь, которую они выражали, ничего болѣе для нее не значили; огонь ихъ угасъ и не имѣлъ для нее болѣе никакой прелести; потому, что спрость, придававшая имъ оную, перестала существовать. Ахъ! какъ склонности сердца бывають суешны и недостойны, когда они не основываются на нравственныхъ совершенствахъ человека нами любимаго! Только въ одной добродѣтели находимъ мы совершенную красоту; — и только одна добродѣтель можетъ обойтись безъ переменны. — Всѣ люди согласуются въ нравственной красотѣ; потому, что законы оной писаны

рукою Божією, и стоить только взглянуть на оную, чтобы ее замѣтить. Но физическая красота совершенно напротивъ: она есть предметъ вкуса и на нее можно взирать различнымъ образомъ. Если она не присоединяется къ другимъ качествамъ, то дѣлается сама по себѣ презрительною и не можетъ насъ удовольствовать. Только въ соединеніи сихъ двухъ красотъ, находимъ мы истинное совершенство человека, созданнаго по подобію Божію. — Въ такомъ случаѣ мы весьма справедливо любимъ сіе соединеніе, и удивляясь оному въ прекрасномъ образцѣ совершенства, мы обожаемъ Создателя, въ лучшемъ Его твореніи.

Но пора возвратиться къ нашему герою: Цезарь могъ бы замѣтить ту невнима-

тельность, съ какою Беатриса слушала его; но онъ находилъ удовольствіе, примѣчая взаимную довѣренность, которая возникала, какъ онъ думалъ, между ею и его другомъ. Въ это время онъ не имѣлъ другаго желанія, какъ только сдѣлать сію довѣренность продолжительною; не сомнѣваясь въ томъ, чтобы добрые совѣты Жіованни не укрѣпили мужества Беатрисы, которая будучи поддерживаема оными и своимъ самолюбіемъ, не замѣдила бы испытать благосклонности къ себѣ Маркизы.

Множество госпей, бывшихъ въ сей день, помѣшали друзьямъ нашимъ поговорить съ Беатрисою на единѣ; почему Цезарь, слѣдуя совѣту Жіованни, подошелъ къ ней и просилъ назначить часъ свиданія на зав-

прешній день. Получивши согласіе, они съ нею разстались; но идучи домой встрѣтились съ Принцемъ Мельфи, который оспановился подъ поршикомъ одного дома въ Спрада-Бальби.

„Я имѣю новости сообщить вамъ, молодые люди, сказалъ Принцъ показывая имъ письмо. Турки хотятъ задать намъ работу. Синьѳръ Цигала, я надѣюсь, что вы не забыли того, что принадлежали некогда къ Ордену Мальшійскихъ рыцарей; — и потому вы вѣрно не откажетесь обнажить меча, для поданія помощи бывшимъ вашимъ сопотарищамъ.“

— „Что вы чрезъ это разумете. мой Принцъ?“ спросилъ Жіованни подходя къ нему.

— „Письмо сіе содержитъ извѣстіе, что Султанъ Солиманъ принялъ твердое намѣреніе осадить вашъ островъ. . . то есть, островъ Мальту; и я не думаю, чтобы между нами нашелся хотя одинъ человекъ, который не былъ бы готовъ пролить кровь свою для защищенія этого оплота Христіанства.“

Жіованни почувствовалъ внутреннее удовольствіе, когда услышалъ сію прекрасную похвалу любимому имъ ордену. Взявъ письмо изъ рукъ Принца, онъ пробѣжалъ оное наскоро. Положеніе особы, писавшей сіе письмо, дѣлало содержаніе онаго весьма важнымъ, и вмѣстѣ способнымъ возжечь пламя, которое всегда плѣлось въ сердце Жіованни. — Письмо сіе уведомляло, что Султанъ до

крайности раздраженъ былъ прошивъ Мальшійскихъ рыцарей, коихъ корабли не довольно того, что очистили Архипелагъ, но имѣли даже дерзость явиться предъ самими бапаша-реями крѣпостей Опшоманской Порты. Самые богатые призы, сдѣланные Турецкими Корсарями, были обратно опняты сими храбрыми рыцарями; и такимъ образомъ будучи лишены своей добычи, и безпокоиваемы даже на собствен-ныхъ своихъ рейдахъ, Турки рѣшились однимъ ударомъ испребитъ весь Орденъ. — Солиманъ началъ уже собирать войска въ разныхъ гаваняхъ морей, увеличивъ также и флотъ свой, долженствовавшій поднять паруса, лишь только наступитъ способное время къ плаванію. Онъ просилъ также

помощи у Пашей Алжирскаго и Трипольскаго: Однимъ словомъ, всѣ Магомешанскія державы пришли въ движеніе, — и Христіане должны были доказатьъ симъ невѣрнымъ, что мужество ихъ ровнялось справедливости дѣла ими защищаемаго.

„Война будетъ ужасная, сказалъ мудрый Дорій, когда Жіованни кончивъ письмо и передалъ его Цезарю.

„Ужасная! вскричалъ Жіованни, котораго сіе одно слово сдѣлало, такъ сказать, совсѣмъ другимъ человекомъ. Скажите лучше славная! — Никто не захочетъ быть шутъ только празднымъ зрителемъ! — Я не откажусь отъ права быть въ оной участникомъ даже и тогда, когда бы мнѣ предлагали

Мал. Рыц. Ч. II. II

первое достоинство въ республикѣ.“

— „Но вы теперь уже не принадлежите къ Ордену.“

— „Я всегда принадлежу къ нему въ глубинѣ моего сердца.“

„Теперь я повѣрю тому, что мнѣ говорили объ васѣ, подхватилъ Принцъ смотря на него съ удовольствіемъ: потому что, встрѣчаясь съ вами въ прогулкахъ и общесівахъ, я почиталъ васъ столько крошкѣмъ и столько занятымъ науками, что признаюсь, никакъ не могъ принудить себя думать, чтобъ вы были тотъ самый человекъ, котораго всѣ называли *громомъ войны*.“

Между тѣмъ Цезарь бѣгло прочитавши письмо, схватилъ руку Жіованни и вскричалъ: „я буду сопровождать тебя.“ Онъ забылъ даже о Беатрисѣ,

обнимаемая друга своего съ благороднымъ энтузіазмомъ.

„А я думалъ, что ты желаешь служить подъ моимъ начальствомъ, сказалъ Принцъ съ веселымъ видомъ. Генуэзскій флотъ небольшую выгоду принесетъ своимъ союзникамъ, если всѣ мореходцы оспиваютъ оный съ тѣмъ, чтобы сражаться на сухомъ пуши!“

„Слѣдовательно вы изволите предполагать, мой Принцъ, спросилъ Жіованни, что если Турки исполнятъ свое предприятие, то республика пошлетъ къ великому Магистру вспомогательное войско :

— „Какъ вы можете въ томъ сомнѣваться? будьте увѣрены, что мы сразимся съ ними подъ башареями замка святаго Ангела.“

„Когда думаете вы воспо-

слѣдуетъ это страшное нападеніе? спросилъ Цезарь, вспомнивши вдругъ о любви своей и благополучіи, которое надѣялся вкушать.

„Это еще неизвѣстно, возразилъ Адмиралъ; произвестъ въ дѣйствіе такое предпріятіе надобно довольно времени. Теперь Ноябрь, — и я предполагаю, что Невѣрные не могутъ изготовиться прежде весны. Они думаютъ, безъ сомненія, что не догадаются о ихъ намѣреніяхъ, и потому навѣрное станутъ медленно приготовляться: — эта медленность дастъ время нашимъ принять свои мѣры. Еслибъ я имѣлъ столько же вліянія въ Испаніи, какъ здѣсь въ Генуѣ, то могъ бы поручиться, что истреблю этихъ змѣй въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Ни одна галера ихъ

не ушла бы отъ меня — и я не далъ бы имъ времени надѣлать зла.“

— „Ахъ! мой Принцъ, не ужели вы желаете опнять у рыцарей ту славу, которую они себѣ приобрѣшутъ!“

Доріи засмѣялся при сихъ словахъ Цезаря, и отвѣчалъ: „въ твои лѣта я также говорилъ; но доживши до сѣдыхъ волосъ, я узналъ, что самый славный подвигъ воина, состоитъ въ томъ, чтобы опказаться опъ славы, если можетъ достигнуть цѣли хотя не столь блистательнымъ образомъ; но по крайней мѣрѣ менѣе опаснымъ. Я также какъ и ты люблю сражаться; но когда найду способъ предупредить намѣренія Турокъ: то совѣсть не проспитъ меня, если онымъ пренебрегу.“

Мал. Рыц. Ч. II. П 2.

Во время сего краткаго разговора между Принцемъ и Цезаремъ, Жіованни размышлялъ о вліяніи, какое сей случай могъ имѣть на судьбу его друга. Онъ рассказывался въ томъ, что слишкомъ поспѣшилъ принудивъ Беатрису открыться матери; будучи увѣренъ, что по возвращеніи ихъ она равнымъ образомъ забудетъ какъ его такъ и Цезаря; но Жіованни не могъ предвидѣть сего случая, и потому утѣшился мыслию, что возбудилъ покрайней мѣрѣ въ душѣ Беатрисы чувствительность, которая могла имѣть щастливое вліяніе на ея характеръ.

„Для чего же другъ мой не можетъ сопровождать меня въ Мальпу? спросилъ Жіованни, желавшій воспользоваться симъ случаемъ, чтобъ удалилъ Це-

заря опѣ Беатрисы и ея престолестей. Я обязуюсь возвратить вамъ его, лишь только флотъ республики покажется предъ островомъ; а до того времени позвольте ему раздѣлять труды наши въ Борго? «

„Я не нахожу никакихъ къ тому препятствій, отвѣчалъ Принцъ; но что скажете намъ самъ Адимарій? — Сыновья мои мнѣ говорили о любви . . . въ одномъ домѣ . . . который . . .“

Цезарь вспыхнулъ и произнесъ нѣсколько отрицательныхъ словъ.

„Полно, полно, молодой человекъ, возразилъ Дорій; не будучи ни духовникомъ твоимъ, ни судьей, я могу однако же быть твоимъ адвокатомъ; . . . но не у любовницы твоей, потому что тамъ вѣрно не имѣешь нужды въ ходатайствѣ, а

у ея родспвенниковъ: — ты можешь на меня надѣяться, потому что лѣта мои и достоинство могутъ имѣть на нихъ какое нибудь вліяніе.“

„О мой Принцъ! вскричалъ Цезарь, взявши руку Дорія — и не могъ ни слова болѣе произнести. Жіованни же предвидя прогашельную сцену, долженствовавшую между ими произойти, далъ Принцу знакъ, и они оставивъ поршикъ вошли въ садъ. Тамъ, безъ постороннихъ, Адмиралъ съ жаромъ возобновивъ предложеніе услугъ своихъ, желалъ узнать сколь далеко зашла связь Цезаря съ Синьорою Бриньолепши. — Узнавши же, что они дали взаимно другъ другу слово, онъ показалъ величайшее удивленіе.“ Маркиза не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія о семъ,“

сказалъ онъ; Синьора нашла средство увѣрить мать, что она слушаетъ свои любовныя жалобы съ тѣмъ только, чтобы надъ тобою посмѣяться. Маркиза повторяла мнѣ даже многія острья шулки, выдуманныя на твой щетъ ея дочерью. Клянусь Богомъ! эта дѣвица могла бытъ хорошимъ дипломатикомъ. Но и то правда, что хитрости позволены, какъ на войнѣ такъ и въ любви; и такъ не надобно на это обращать вниманія. — Я имѣю нѣкоторую власть надъ Маркизою, и пошому употребляю все отъ меня зависящее, чтобъ сдѣлать ее къ тебѣ благосклонною. Положимъ, что дочь ея богата; — но за то ты производишь отъ знапной фамиліи; она красавица, — а ты мужественъ; и по моему мнѣ-

нію вы взаимно другъ друга стоите. Скажи, что мнѣ теперь для тебя сдѣлать? Прямо ли говорить съ Маркизою, или посоветоваться прежде съ Беатрисою? “

Цезарь, удивленный и обиженный нѣожиданными словами, которыя Принцъ сказалъ не подумавши, хранилъ молчаніе. Почему Жюванни и взялся за него отвѣчать? Онъ думалъ, что приспойнѣе будетъ видѣться съ Маркизою, когда здоровье ея по дозволитъ. Принцъ могъ представить этой дамѣ значное происхожденіе Цезаря и славу, которую онъ приобрѣлъ себѣ своими подвигами. Въ разсужденіи же Беатрисы, довольно было сказать, что Цезарь надѣялся быть предпочтеннымъ предъ прочими ей обожателями, и потому

и просилъ только позволенія у матери, не скрывать отъ публики своего исканія; послѣ чего онъ поспѣшилъ бы пожать новыя лавры, прежде нежели спалъ бы просить руки Синюоры Беатрисы.

„Вотъ я и запушался въ любовную интригу,“ сказалъ Принцъ смѣясь; „въ мои лѣта это довольно забавно! Я не могу сдѣлать болѣе и для роднаго сына. — Но позволь, Адимарій, побранишь тебя, для чего и въ самомъ дѣлѣ ты не считаешь меня за отца? Ты влюбляешься, переставая ко мнѣ ходить, а я зналъ бы объ этомъ только по городскимъ слухамъ, еслибъ перьвый не началъ объ томъ говорить.“

„Я признаюсь въ винѣ своей,“ сказалъ Цезарь, поцѣловавъ съ почтительнымъ видомъ

руку Дорія. “ Но какъ могъ я васъ упруждать моими довѣренностями, когда зналъ, что вы имѣете свои домашнія горести? “

„Такъ, это правда,“ прервалъ Принцъ вздохнувъ, “ дѣти мои весьма меня огорчаютъ. Особенно одинъ изъ нихъ; потому-то я и люблю, чтобъ молодой человекъ хорошо велъ себя, и берегъ доброе имя: оно дороже всѣхъ титуловъ и сокровищъ на свѣтѣ. — Родители могутъ почитать себя щастливыми, когда склонности дѣтей ихъ обращаются на предметы, которые имѣютъ одинъ только недостатокъ: — Недостатокъ богатства. “

Почтенное лице Дорія сдѣлалось печальнымъ въ продолженіи сего разговора, и глаза наполнились слезами. Жіован-

ни, знавшій о его горестяхъ, хранилъ почтительно молчаніе. Слухъ носился, что старшій сынъ Принца женился на развратной женщинѣ, которая не только была его любовницею, но также извѣстна по связи своей въ Римѣ съ однимъ господиномъ, весьма разсвѣянной жизни. Почтенный Дорій съ горестію помышлялъ, что всѣ шила и почести, столь благородно имъ пріобрѣтенныя, должны ствовали достаться дѣтямъ, отъ такого недостойнаго брака. Онъ оплакивалъ страсть сего же сына къ игрѣ, которую получилъ сей послѣдній отъ знакомства съ однимъ знатнымъ чужестранцемъ; но болѣе всего огорчало отца опличное достоинство другаго сына, который назначенъ былъ къ одному важному посольству.

Мал. Рыц. Ч. II. Р

ву. Почему Дорій желалъ бы переменить порядокъ напурь, чтобы имя, знаменитое имъ и его дядею, не было обезславлено старшимъ его сыномъ. Но, увы! мы весьма часто видимъ сію игру фортуны. Тщетно она наполняетъ одну сторону въсовъ почестями и опличіями, поношеніе и безпорядокъ перевѣшиваютъ на другую.

Слова Принца пронули Цезаря; онъ вспомнилъ объ отцѣ своемъ, и въ томъ, до какой степени старался исполнить малѣйшее его желаніе; — въ смущеніи своемъ взявъ опять руку Адмирала, онъ пожалъ оную съ почтипительнымъ соучастіемъ, и Дорій взаимно отвѣчалъ ему тѣмъ же. Потомъ сдѣлавшись по прежнему веселымъ — онъ сказалъ:

„И такъ! ты дашь мнѣ

знать, когда благопристойность дозволишь увидѣться съ Маркизою; потому, что своя прекрасная любовница безъ сомнѣнія не оставитъ увѣдомить тебя о ея выздоровленіи. А между тѣмъ возвратись домой, и думай о своемъ походѣ. Надобно непременно принять какое нибудь твердое намѣреніе; потому, что если ты рѣшишься ѣхать, то долженъ будешь требовать формальнаго позволенія. “

„Я сей часъ опять пойду въ Палаццо-Россо,“ сказалъ Цезарь, “еслибъ удалось только пять минутъ поговорить съ Беатрисою. . . .; Пойдемъ со мною, Жіованни. . . . нѣтъ, останься: я лучше одинъ съ нею увижусь. Ахъ! какъ она обрадуется узнавъ, что будетъ избавлена отъ безпокойства

сдѣлать признаніе Маркизѣ! я восхищаюсь тѣмъ, что объясился съ Принцемъ. . . . Ахъ! какъ довольна будетъ Беатриса! . . . Доказательства Дорія разсѣяны по крайней мѣрѣ по ловину тѣхъ препятствій, которыя она предвидѣла. “

Разговаривая такимъ образомъ Цезарь продолжалъ идти не останавливаясь, и подошедши къ садовымъ воротамъ, онъ съ быспрошою молніею побѣжалъ по улицѣ. Жіованни шелъ съ Принцемъ разговаривая съ нимъ о нападеніи, угрожавшемъ острову Мальтѣ. Пришедши къ воротамъ дому Цигала они распались; одинъ пошелъ заниматься гражданскими дѣлами, а другой спалъ дожидаясь возвращенія своего друга.

ГЛАВА VIII.

Цезарь скоро пришелъ назадъ не могши поговорить съ Беаприсою, которая была у мапери, и потому никого не могла приниматьъ; онъ написалъ Синьорѣ Бриньолеппи письмо, въ которомъ уведомлялъ ее о разговорѣ своемъ съ Принцемъ, и просилъ увидѣться съ собою въ церкви Сан-Сиро послѣ вечера.

Никогда еще Жіованни не видалъ друга своего въ такомъ волненіи; даже самъ Цезарь признавался, что онъ былъ внѣ себя отъ радости и надежды; — но однакожъ не взирая на то, фізіономія его показывала, что сердце не было спокойно, да и въ самомъ дѣлѣ оно терзалось —

хотя и отъ бездѣлки; но эта бездѣлка оскорбляла его съ самой чувствительной стороны — со стороны его гордости.

По словамъ Принца Мельфи, Беатриса часто насмѣхалась надъ Цезаремъ передъ своею матерью, и это было въ глазахъ сего послѣдняго большимъ преступленіемъ; онъ былъ увѣренъ, (что и весьма справедливо) что женщина, чувствующая истинную скорбь, не можетъ сказать ни одного презрительнаго слова на щетъ человека, ею любимаго. Если же тотъ, кому рѣшилась она поклясться въ любви и повиновеніи на цѣлую жизнь; — котораго воля должна быть для нее закономъ и обузданіемъ ея желаній: если тотъ, повторю, не кажется въ глазахъ ея первѣй-

шимъ изъ людей: по любовь ея и покорность, суть ничто иное какъ обманъ.

Тщетно Цезарь старался прогнать эту мысль, она не переставала его преслѣдовать; и наконецъ, чтобъ успокоиться: онъ увѣрялъ себя, что Принцъ не понялъ порядочно словъ Маркизы; и весьма раскаявался, что по гордости своей не спросивъ у Дорія о семъ подробнѣе; но между тѣмъ эта самая гордость препятствовала ему искасть утѣшеній у друга своего, сообщивъ ему о причинѣ своего безпокойства. Однако же Жіованни зналъ о томъ, что происходило въ душѣ Цезаря; но притворился нимало того не замѣчающимъ, надѣясь, что это неудовольствіе заставитъ его извѣститься о семъ предметѣ съ Беапирією,

— слѣдствіемъ чего будетъ то, что онъ увидитъ наконецъ собственными глазами самолюбіе и неискренность сей дѣвицы. Чтожъ касается до Жіованни, то это обстоятельство еще болѣе познакомило его съ Синь-іорою Бриньолетти. Онъ видѣлъ ее такою, какова она была на самомъ дѣлѣ, т: е: вѣтренною, легкомысленною, безъ всякихъ правилъ, внушаемыхъ разумомъ; обманывающею даже и тогда, когда чувствовала истинную любовь; имѣвшею характеръ способный повергнуть ее въ величайшія заблужденія, потому что она не могла владѣть сама собою. Такимъ образомъ невинность большими шагами приближалась къ безднѣ преступленій, и Жіованни не могъ не содрогнуться отъ мысли, что совершенно отъ

него зависѣло ввергнуть ее пуда.

Думая такимъ образомъ, онъ находилъ большую трудность говорить съ Цезаремъ о такомъ предметѣ, который сполько огорчалъ его. Къ счастью теперь любовь Цезаря и нападеніе на островъ Мальшу, были тѣсно соединены одно съ другимъ; и Жіованни, заговоривъ о послѣднемъ, разсѣялъ нѣсколько мысли друга своего о Беатрисѣ, занявъ воображеніе его славою, которая была главною пищею для его сердца.

Въ этотъ день Цезарь съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ заходенія солнца, и когда пришелъ часъ вечеренъ: то онъ поспѣшно вышелъ изъ дому. Улицы были наполнены множествомъ народа; потому что

переносили мощи изъ одной церкви въ другую. Процессія шла тихими шагами, и зажженные восковыя свѣчи, несомыя священниками и монахами, освѣщали въ отдаленности безчисленную толпу, за нею слѣдовавшую. Цезарь не слышалъ пѣнія, даже можетъ быть не обратилъ бы вниманія и на самую царемонію, еслибъ она не возпрепятствовала ему идти скорѣе. Однако же онъ все подвигался впередъ, опасаясь того, что не заспанетъ Беатрисы въ церкви; потому что толпа сія могла помѣшати ей выдти изъ дому. Но пришедши въ соборъ, онъ весьма обрадовался нашедши ее сидящею на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, — и припомъ весьма мало шамъ народу; потому что всѣ почти оставили цер-

ковъ, чтобъ слѣдовать за Пророческою.

Такъ какъ служба не совсѣмъ еще была кончена, то онъ спалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Беатрисы, которая дочитывала послѣднюю молитву; взглянувши на нее, онъ обратился къ памятнику отца своего — и видѣ этого мѣста, положеніе его, смѣсь радости и неудовольствія, наполнявшія сердце: воспоминаніе о благополучіи, коимъ наслаждался во время жизни отца, — и о сраданіяхъ, какія перенесъ послѣ его кончины; мысль о Жіованни, о родительскомъ попеченіи Дорія; наконецъ нечувствительность, показанная Беатрисою, когда онъ въ первый разъ привелъ ее къ памятнику, все сіе вдругъ представилось его воображенію съ не-

обыкновенною силою. Горестное предчувствие присоединилось къ воспоминаніямъ о прошедшемъ, и онъ сказалъ довольно громко, разговаривая самъ съ собою: О, Беатриса! для чего долженъ я находить недостатки въ такой особѣ, которая столько для меня драгоценна? “ Вскорѣ не многіе люди, бывшіе въ церкви, вышли; и Цезарь подошедши къ Беатрисѣ, отвелъ ее въ самую уединенную часть зданія.

Тамъ оставались они долгое время, и никто не прервалъ ихъ разговора. На Беатрисѣ было длинное покрывало опущенное до самыхъ ногъ: слѣдовательно одинъ только звукъ голоса могъ показывать то, что она чувствовала. Цезарь, уведомивъ ее о пріятномъ предложеніи, сдѣланномъ ему Прин-

цемъ Доріемъ, извѣявилъ ей свои желанія и надежды. Пламенными чертами выразилъ онъ ту славу, которую ласкался пріобрѣсть въ службѣ рыцарей Св. Іоанна Іерусалимскаго, и наконецъ осмѣлился даже признаться въ своемъ неудовольствіи за поступокъ, который ему столько не понравился. Беатриса не замедлила воспользоваться случаемъ, какой представляли ей послѣднія Цезаревы слова. Она ясно видѣла, изъ всего имъ сказаннаго, что Жіованни старался либо ускорить ея бракъ, либо понудить ее покрайней мѣрѣ публично признаться въ любви къ Цезарю. Какая бы причина ни заставляла Цигалу такъ поступать: дружба ли его къ Цезарю, или равнодушіе къ ней, только она равнымъ образомъ чувствовала

отвращеніе къ участию, какое Цезарь въ томъ принималъ. Беапириса не могла перенести мысли бытъ его женою; но не могла также сдѣлать признанія, что никогда его не любила. И шавъ подъ предлогомъ справедливыхъ замѣчаній, какія онъ ей дѣлалъ, она заплакала и осыпала его упреками. Обвиняла, что онъ пересталъ любить ее, и объявила, что никогда не выдетъ замужъ за неблагодарнаго человека, который выводитъ преступленія изъ невинной хитрости, которую она употребила единственно изъ любви къ нему; и наконецъ опчаянчымъ тономъ поклялась бѣжати въ роломнаго свѣта, и навѣки заключиться въ монастырь.

Во время сей бури! Цезарь хранилъ молчаніе, надѣясь, что

она скоро пройдет, и извиняющая гнев любовницы шлем, что сердце ее чувствовало, что он ошибался в своем сужденіи, и что сіе сужденіе весьма прогало ее. Но ни безмолвіе его, ни покорность, ни самое извиненіе не могли ее укротить. Он безразсуднымъ образомъ далъ ей предлогъ съ собою поссориться, а она умѣла онымъ воспользоваться. Но не взирая на то, что она столь горячо приняла замѣчаніе его о ея поступкѣ, и что сіе было худымъ предзнаменованіемъ покорности, какой онъ въ правѣ былъ бы потребовать отъ своей супруги, Цезарь думалъ только о возможности потерять сердце своей возлюбленной. Онъ умолялъ ее прежнею ихъ довѣренностію, опмѣнивъ столь ужасную угрозу; — про-

силѣ вспомнишь до какой степени онъ ее обожаетъ, и помыслишь объ отчаяніи его, если она не перемѣнитъ своего намѣренія — идти въ монастырь. Заклиналъ ее именемъ родителя, коего оспяпки почитали подъ ногами ихъ, единого человека, котораго онъ любилъ столько, сколько ее, не разрушать однимъ словомъ всего благополучія его молодости и не предавать его въ жертву отчаянію и смерти. Не взирая ни на что Беатриса осталась неумолимою, вырвалась отъ него, хотя онъ обнималъ ее колѣна и кликнувши пажа своего, поспѣшно вышла изъ церкви.

Выходъ ея возбудилъ Цезаря; — оставивъ унизительное свое положеніе съ душою, наполненною негодованіемъ, онъ

выбѣжалъ на улицу. Сердце его пылало отъ бѣшенства; и потому, когда онъ пришелъ къ Жіованни, по взоры и движенія его не требовали никакого извясненія. Онъ бросился на кресла, и огонь оскорбленной любви, блиспавшій въ глазахъ его, совершенно угасъ. Блѣдность покрывала лице его.

„Все кончено! . . . Все погибло!“ вскричалъ, „она непреклонна.“

Сии слова удивили Жіованни, потому что онъ подумалъ сперва увидѣвъ Цезаря, что можетъ быть Беатриса сдѣлала полупризнаніе въ своей къ нему перемѣнѣ.

„Непреклонна!“ спросилъ онъ, да чѣмъ же ты оскорбилъ ее?“

Цезарь поспѣшно рассказалъ все то, что между ими произошло, столь часто прерывая

рѣчь свою упреками самому себѣ и восклицаніями, что Жіованни съ трудомъ могъ его понимать. Сей превосходный другъ внутренно благодарилъ Бога за оборотъ, какой Беатриса дала этому дѣлу; но однако же тѣмъ не менѣе сожалѣлъ о спрѣданіяхъ чловѣка, котораго любилъ какъ роднаго брата; почему подошедши къ нему всячески старался его утѣшить. Онъ предвидѣлъ то, что должно спвоало случиться; т. е. что Беатриса не замедлитъ снять съ себя маску и что Цезарь избѣгнетъ брака, который сдѣлалъ бы его несчастливымъ. Жіованни увѣренъ былъ въ томъ, что если другъ его возможетъ перенести первыя движенія отчаянія, то любовь къ славѣ замѣнитъ въ его сердцѣ недостойную

страсть, которой онъ самъ послѣ станеть стыдиться. Зная сіе собственнымъ опытомъ, прошедши всѣ степени труднаго выздоровленія, онъ лучше всякаго зналъ доказательства, какія должно было употребить для чловѣка, имѣвшаго несчастіе бытъ привязаннымъ къ непостоянной и вѣроломной женщинѣ. Теперь обязанность его не въ томъ состояла, чтобъ обнаружить другу своему всѣ пороки Синьоры Бриньолешши; но напропивъ онъ долженствовалъ скрыть оныя отъ него, чтобъ не увеличить горести, которую Цезарь ощущалъ; опасаясь, чтобы тяжесть этой горести не удручила его совершенно. И такъ Жіованни увѣрилъ его, что гнѣвъ Беаприсы есть вещь маловажная и ничто иное, какъ капризъ

избалованнаго робенка, который не происходя отъ сердца, безъ сомнѣнія въ шужь мину-ту, когда она излила оный, прекрашился.

„Перестань,“ прибавилъ онъ, „не думай, чтобъ она сурьозно и хладнокровно рѣшилась нака-зать тебя столь жестокииъ образомъ за то, что ты въ первый еще разъ сказалъ ей неприятную истинну. Еслижъ это такъ, то она не заслужи-ваетъ ни любви твоей, ни со-жалѣнія.“

Цезарь самъ чувствовалъ, что въ такомъ случаѣ *не дол-женъ* былъ объ ней сожалѣть; но онъ весьма далекъ былъ отъ мысли: *забыть ее*. Однако же сладостныя упѣшенія Жіованни привели его нѣсколько въ разсудокъ. Онъ опять усту-пилъ обманчивой довѣрчивости

какую имѣлъ всегда къ характеру Беатрисы, и вдругъ вспомнивши, что она простила гораздо спрожайшее сужденіе объ ней Жіованни, вскричалъ: “О! она меня непременно проститъ. . . . я забылъ ея великодушіе въ разсужденіи тебя!”

Жіованни не отвѣчая пощипалъ глаза въ землю: онъ не хотѣлъ извинять поступка Беатрисы, а только лишь желалъ избавить друга своего отъ излишней горести; почему и старался вразумить его, что даже когда она укропитъ гнѣвъ свой, то и тогда онъ не одобритъ сего поступка, который подавалъ сомнѣнія на счетъ искренности ея чувствованій. Цезарь не расположенъ былъ спорить, и потому не обратилъ вниманія на темный смыслъ словъ своего дру-

га. Онъ не переставалъ чувствовать безпокойство, и помышлялъ единственно о прошедшемъ своемъ благополучіи. Всіо соединилось, чтобы внушить ему довѣрчивость къ Беатрисѣ, и опять возжечь страсть къ ней. Онъ вспомнилъ о знакахъ безкорыстной и великодушной любви, которыя она ему оказывала, и сіи воспоминанія наполнили душу его нѣжною признательностію. Онъ увеличивалъ въ собственныхъ глазахъ щастіе быть богатымъ, чтобы сдѣлать еще достойнѣйшимъ удивленія пожертвованіе Беатрисы; забывая, что самъ гораздо легче могъ бы сдѣлать такое пожертвованіе.

Сердце Жіованни разрывалось въ то время, какъ онъ слушалъ слова, внушаемая дру-

гу его сладостными мечтами. Будучи увѣренъ, что мечты сіи скоро замѣнены будутъ ужасною очевидностію: онъ находилъ теперь гораздо болѣе трудности воздерживать Цезаря, нежели въ ту минушу, когда сей послѣдній находился въ жестокомъ опчядніи. Было уже поздно, когда они разстались. Жіованни собралъ своихъ домашнихъ, чтобы вмѣстѣ съ ними по обыкновенію прочитать вечернюю молитву, а Цезарь пошелъ предаваться мыслямъ суетнаго свѣта, которыя не позволяли ему заняться симъ высокимъ упражненіемъ.

На другой день друзья наши пошли въ Палаццо-Россо. Маркиза еще не встала съ постели, и дочь ея принявъ ихъ повела Цезаря въ кабинетъ,

который цѣлые два вѣка удивляетъ всю Европу. Жіованни не послѣдовалъ туда за ними, чшобъ дать пройти первой минутѣ замѣшательства, какое это свиданіе долженствовало причинить любовникамъ; но его скоро туда позвали, и когда онъ вошелъ, то Цезарь сказалъ ему:

„Жіованни! теперь только я призываю на помощь твою дружбу. Сдѣлай милость вразуми меня, чшобъ я могъ понять Беатрису и самого себя... чшо такое я сдѣлалъ?.. не ужели въ самомъ дѣлѣ я заслужилъ?... разсуди насъ... думай за меня, потому что я не въ состояніи болѣе и думать.“ Говоря сіи слова, онъ осматривался съ опчаяннымъ видомъ.

Жіованни устремилъ на Беатрису взоръ, исполненный строгой добродѣтели, и сказалъ: „Хорошо ли я разслышалъ? Возможно ли, сударыня, чпобъ вы имѣвши время подумать, упорспвовали въ безумномъ гнѣвѣ, которому вчера въ вечеру предавались?“

— „Такъ, она оставляетъ меня!.. не хочетъ меня проспипть!.. отказывается...“ Прерывающія слова Цезаря были пресѣчены Беатрисою, которая оставя всю принужденіе сказала Жіованни, бросивъ на него выразительный взглядъ:

„Ахъ! Синьѳръ Цигала! вы не можете осуждать меня за мое намѣреніе оставить свѣтъ, который мнѣ наскучилъ. Будьте увѣрены, что я не рѣшилась бы огорчить споль драгоценнаго для меня друга, еслибъ

нещастіе цѣлой моей жизни... «

„Нещастіе цѣлой ея жизни! «
повторилъ Цезарь. „Праведный
Боже! что я слышу? Безъ
сомнѣнія какой нибудь дьяволъ
въ одеждѣ духовника испугалъ
ее смѣшными угрозами, и те-
перь она воображаетъ, что
самая религія повелѣваетъ ей
меня оставитьъ... Ахъ! Жіо-
ванни! ты довольно учился
Богословіи, поговори съ нею,
постарайся убѣдить ее, что
она не заслужитъ небеснаго
царствія, разтерзавъ вѣрное
и нѣжное сердце. «

Горесиль пресѣкла рѣчь Це-
заря; — онъ вышелъ въ другую
комнату, чтобъ нѣсколько ус-
покоиться оставивъ на нѣсколь-
ко минутъ Жіованни одного
съ Беатрисою.

„Сударыня!“, сказалъ ей пог-
да сей послѣдній взявши ее за

руку,“ ради Бога, будьте откровенны съ другомъ моимъ въ этомъ послѣднемъ сраженіи вѣрнаго сердца съ вашимъ сердцемъ, которое перестало уже быть вѣрнымъ. Дѣйствуйте безъ обмана; и если когда нибудь надѣетесь обрѣсти милосердіе небеснаго Судіи, то будьте сами сегодня справедливы. Если же будете продолжать его обманывать, то погубите его молодость; лишивъ благороднаго честолюбія. Имѣйте мужество возбудить его къ себѣ ненависти. Если вы въ самомъ дѣлѣ его болѣе не любите, то скажите ему о томъ, и возвратите ему свободу: Я буду умѣть его утѣшить; потому, что сердце мое не имѣетъ другихъ чувствъ, кромѣ чувствъ дружбы.“

„Варваръ!“ вскричала Беатри-

риса удерживая его, когда онъ хотѣлъ удалиться, “ ты ко всѣмъ людямъ снисходителенъ, а ко мнѣ жестокъ и безжалостенъ. Для чего заставляешь ты меня признаться въ томъ, что стыдъ? . . . Она остановилась и пылающія щеки ея показали то, чего она не могла договорить.

Жіованни оттолкнулъ ее отъ себя какъ змѣю, — и бросившись въ комнату, гдѣ былъ Цезарь, вскричалъ съ необыкновеннымъ — повелительнымъ видомъ: Пойдемъ, тебѣ нѣчего болѣе здѣсь дѣлать! я не могъ ее уговорить. “

Цезарь хотѣлъ противиться; но Жіованни тащилъ его съ такою силою, что онъ самъ не зналъ какимъ образомъ очутился на улицѣ. — Болѣе часу опущаяніе не позволяло Цезарю

говорить ; — но наконецъ онъ излилъ бѣшенство свое , проклиная жестокость Беатрисы , совѣты друга своего , и свою собственную глупость въ томъ , что согласился онимъ послѣдовать . Жіованни оставилъ его предаваться страстямъ до тѣхъ поръ , пока Цезарь , упоминаясь отъ усилій имъ сдѣланныхъ , не упалъ на стулъ задыхаясь . Тогда только Цигала началъ съ нѣжностію приговаривать его къ рѣшительному разрыву съ женщиною , которую онъ любилъ болѣе , нежели чего она стоила , и старался возбудить въ немъ твердость духа говоря : что истинное мужество оказывалось болѣе въ равнодушномъ терпѣніи несчастій , нежели въ сраженіи на полѣ чести . Онъ напомнилъ ему объ опцѣ и сла-

Мал. Рыц. Ч. II. Т 2.

вѣ, которую Цезарь успѣлъ
 себѣ приобрѣсти; представляя
 оныя побудишельными причи-
 нами, которыя должны были
 заставить его еще болѣе ста-
 раться отличить себя, и увѣ-
 рять, что блистательные под-
 виги, оказанные имъ отечест-
 ву, были только еще залогомъ
 будущихъ его заслугъ. Усилія
 Юованни клонились къ той
 цѣли, чтобъ возбудить въ дру-
 гѣ своемъ достойное похвалы
 честолюбіе, заставляющее всю
 славу находить въ одномъ
 только словѣ: “ быть полез-
 нымъ. “ Онъ сказалъ нѣсколько
 словъ на щепѣ того, какъ самъ
 поступилъ бы въ подобномъ
 случаѣ: не пошому, чтобъ хо-
 тѣлъ выставить себя за об-
 разецъ достойный подражанія;
 но съ тѣмъ единственно, чтобъ
 доказать другу своему, что

можно было еще наслаждаться благополучіемъ и послѣ потери любви особы, которую почитали мы единственнымъ къ оному средству. Онъ заставилъ Цезаря еще однажды написать къ Беатрисѣ, чтобы попробовать не перемѣнила ли она своей рѣшимости; и въ случаѣ если она при оной останется, уговорилъ его немедленно выѣхать съ нимъ вмѣстѣ изъ Генуи. Потомъ заведши рѣчь о характерахъ нѣкоторыхъ изъ Мальтійскихъ рыцарей, съ которыми прежде былъ знакомъ, и описывая шумныя сцены, въ которыхъ они оба должныствовали по прибытіи своемъ туда участвовать, Жіованни возбудилъ въ Цезарѣ на минуту энтузіазмъ: глаза несчастнаго молодого человека заблещали при мысли о сла-

вѣ; но это не долго продолжилось и скоро онъ опять предался отчаянію.

„Покрайней мѣрѣ я превзойду ее въ великодушїи,“ сказалъ онъ послѣ гореспинаго и продолжительнаго безмолвія; „свѣтъ никогда не узнаетъ отъ меня о ея комѣ жестокости; и пусть даже думаютъ, что я былъ дерзкой безумецъ, и что Беатриса никогда меня не любила!“ сказавши сіи не многія слова онъ вздохнулъ, и опять предался задумчивости. Прозьбы Жіованни снова его возбудили и, въ порывѣ отчаянія, онъ схватилъ перо и написалъ къ Беатрисѣ.

Письмо его было продолжительно и несвязно. Между жалобами и упреками, онъ увѣдомлялъ ее о намѣренїи тотчасъ отправиться съ дру-

гомъ своимъ въ Мальпу; увѣ-
ряя припомъ, что кромъ сего
вѣрнаго друга и Принца Мель-
фи, никто не узнаетъ о томъ,
что она клялась ему въ любви
своей. Онъ извѣснялся, что
намѣренъ былъ просить Прин-
ца хранить это въ тайнѣ, что
бы Беатриса могла, не опасаясь
свѣтскихъ сужденій, быть сво-
бодною отдать руку свою лю-
бовнику болѣе щастливому,
нежели томъ челоуѣкъ, копо-
рый столько любилъ ее.

Жіованни доволенъ былъ симъ
письмомъ, и особенно пронули
его великодушныя чувствован-
ня въ ономъ заключающіяся.
Онъ отослалъ это письмо, не
надѣясь, да и не желая, чтобы
ѣи снрастныя выраженія ко-
снулись сердца безразсудной
Беатрисы. Отвѣщъ былъ поч-
но таковъ, какого онъ ожидалъ,

т. е. невразумительный и беспорядочный. Примѣтно было, что оный написанъ былъ со спыдомъ и смущеніемъ, которыя она старалась прикрыть завѣсою дочерняго послушанія; называя справедливымъ гнѣвъ свой противъ Цезаря за упреки его, въ разсужденіи предмета, которыя она съ упрямствомъ выдавала за самыя сильныя доказательства любви своей; и наконецъ, увѣряя въ твердосіи намѣренія своего поспричься въ монахини: она оканчивала письмо желая Цезарю благополучія и славы, и прощаясь съ нимъ на вѣки.

Цезарь думалъ, что давно уже лишился надежды; но получивъ письмо почувствовалъ, что она все еще таилась во глубинѣ его души. Однако же она угасла, когда онъ прочи-

сталъ и свернулъ письмо. Ему показалось, что сердце его навсегда увяло, и онъ оспался неподвиженъ устремивъ глаза на бумагу и не могши различать словъ на ней написанныхъ. Голосъ Жіованни, старавшагося его ушѣшишь, поражалъ слухъ его; но онъ совсѣмъ не понималъ того, что говорилъ ему сей послѣдній. Прошло нѣсколько часовъ, прежде нежели злополучный молодой человекъ могъ заняться окружающими его предметами; но наконецъ глубокой вздохъ облегчилъ нѣсколько стѣсненную грудь его: положивши холодную руку свою на руку друга, онъ сказалъ ему съ страшною улыбкою:

„Теперь победимъ, Жіованни; . . . оставимъ вмѣстѣ Геную. . . . если только тебѣ не

екучно будетъ присутствіе несчастнаго ! “

Жіованни вмѣсто отвѣта обнялъ его съ горестнымъ чувствомъ. Цезарь позволилъ себя обнять, но самъ остался неподвиженъ; и только уже при распаваніи, онъ съ глубокимъ вздохомъ и съ судорожнымъ движеніемъ обнялъ сего несравненнаго друга. Оставшись же одинъ, онъ опять предался горести и безпокойству, терзавшимъ его душу.

Г Л А В А IX.

Когда друзья наши опять увидѣлись, то не говорили уже о Беатрисѣ; потому, что Цезарь старался не произносить ея имени. Они назначили день

своего отъезда и условились какимъ образомъ вмѣстѣ вѣхаться. Цезарь признался, что непереносимо желалъ бы оставить Геную; но Жіованни, имѣя много дѣлъ, относительно самаго себя и многочисленныхъ своихъ вассаловъ, долженъ былъ расположить все законнымъ порядкомъ въ случаѣ смерти своей на сраженіи; и пошому не могъ вѣхаться такъ скоро, какъ другъ его. Сверхъ того онъ долженъ былъ находиться при бракѣ одной дѣвицы, состоявшей подъ опекою отца его, вышедшей за мужъ за наследника одной знатной фамиліи. Это была одна изъ тѣхъ неприятныхъ обязанностей, которыя на насъ свѣтъ налагаютъ, и которыя мы исполняемъ съ неудовольствіемъ; впрочемъ сами не понимая причины

такого отвращенія. Такъ какъ ничто не могло его избавить отъ присутствія при всѣхъ церемоніяхъ и празднествахъ сего бракосочетанія: то онъ просилъ Цезаря отправиться напередъ и дождаться его въ Чивита-Векчіи, гдѣ сѣвши вмѣстѣ на корабль оба поплыли бы въ Мальпу.

Цезарь не имѣлъ духу лично проститься съ Принцемъ Доріемъ; потому, что это свиданіе напомнило бы ему о благополучіи, которымъ надѣялся наслаждаться, и о которомъ они недавно имѣли съ нимъ разговоръ. Почему написавъ къ нему письмо, въ которомъ извѣвляя ему признашельность за всѣ его къ себѣ милости, и увѣрляя его въ своемъ душевномъ почтеніи и преданности, онъ умолялъ его хранить подѣ

печатью тайны, все произшедшее между имъ и Беаприсою; обѣщаясь посвятить себя только одной славѣ и прося позволенія сопровождать Жіованни въ Мальту.

Отвѣтивъ Дорія былъ исполненъ благосклонностію и сожалѣніемъ; онъ хвалилъ принятое Цезаремъ намѣреніе, забывъ въ шумѣ сраженій непостоянство любовницы. Къ этому письму приложенъ былъ также и формальный отпускъ, котораго просилъ Цезарь: — и такъ ему никакого дѣла болѣе не оставалось въ Генуѣ. Родственникъ, у котораго онъ жилъ, весьма сожалѣлъ объ отбѣздѣ его; но однако же не порицалъ склонности его къ военной службѣ. “ Онъ уже вступилъ въ эту службу, “ думалъ Синдикъ; “ да и хорошо сдѣлалъ;

потому, что праздный человек никогда не опличится во свѣтѣ. “ Повторяя сіи справедливыя слова онъ далъ Цезарю свое благословеніе; — желая, чтобы онъ скорѣе возвратился.

Дважды Цезарь приближался къ дверямъ соборной церкви Сан Сиро, и дважды возвращался назадъ, не смѣя посвѣтить памятника отца своего; — вспомнивъ, что у самаго сего памятника Беатриса произнесла его приговоръ; но за то онъ удовлетворилъ вполнѣ сыновнюю любовь свою въ Нерви, гдѣ въ самомъ дѣлѣ почивали останки его родителя и воспоминаніе объ немъ еще болѣе усугубило нѣжность его къ сему почтенному родителю.

„Ахъ! какъ бы я былъ щастливъ, еслибъ никого кромѣ

тебя не любилъ! “ вскричалъ онъ съ сердечною горестію, цѣлуя мраморъ покрывавшій священный его прахъ. Въ сію минушу онъ забылъ даже о Жіованни; потому, что въ горести, причиняемой измѣною любовницы и самая дружба бываетъ забыта.

Цезарь выѣхалъ изъ Генуи въ самый день свадьбы Юлія Каррега съ пипомницею Жіованни, копорый не взирая на то, что скоро долженъ былъ за нимъ послѣдовать, съ отвращеніемъ однако же помышлялъ о балѣ и маскарадѣ, копорыми долженъ былъ окончиться сей день. Веселіе всегда несносно для чловѣка, спраждающаго духомъ; онъ съ сожалѣніемъ видѣлъ, что Цезарь не былъ до такой степени огорченъ, какъ-то можнобъ было предпо-

лагать; и что одна только обманчивая надежда могла такимъ образомъ поддерживать пламенное его сердце. Жіованни будучи твердо увѣренъ, что благополучіе друга его зависѣло только отъ совершенной рѣшимости, не хотѣлъ оставлять ни малѣйшей пицци для сей надежды; почему и говорилъ о Беатрисѣ, какъ о такой особѣ, которой поступки должны были заставить Цезаря убѣгать ее; убѣждая его въ мысли, что собственная любовь его основана была только на добродѣтеляхъ, которыя онъ въ ней предполагалъ; и въ семъ намѣреніи напомнилъ ему о недостоинной хитрости, употребленной ею, чтобы скрыть отъ матери связь между ими существовавшую. Это послѣднее доказательство нанесло же-

спокой ударъ чувствительности Цезаря. И онъ съ трудомъ могъ перенести оный, даже отъ своего друга. Взоры его и внезапное содроганіе показали Жіованни, что не должно было сего дѣлать. Однако же Цезарь, преодолевъ это невольное движеніе, взялъ руку друга своего, съ чувствомъ пожалъ оную и вышелъ.

Машинально онъ опятьъ возвратился въ домъ Синдика; но не нашелъ тамъ ничего такого, чтобы могло его удержать: — Беаприса не присылала освѣдомляться объ немъ, и также ничего не писала. Вышедши изъ дому и увѣрившись, что она совершенно объ немъ забыла, Цезарь едва не упалъ въ обморокъ при этой мысли. Нѣсколько разъ покушался онъ идти къ ней, съ тѣмъ, чтобы

пронуть ее или лишитъ себя жизни при ея глазахъ. Ему казалось невозможнымъ жить безъ нее; но при всемъ томъ, онъ скорбе рѣшился бы умереть, нежели отказать отъ словъ своихъ; потому, что гордость и правила чести заставляли его гнушаться хитростию, которую она употребила съ тѣмъ, чтобы ослабить мать свою. Правда, что истинное раскаяніе могло бы изгладить въ немъ воспоминаніе о семъ поступкѣ; но Беатриса сама защищала оный, презрѣвъ даже его гнѣвъ. И такъ могъ ли онъ почестъ честь свою безопасно въ рукахъ женщины, которая могла руководствоваться столь недостойною хитростию? Отъ сихъ размышленій любовная страсть Цезаря просыпалась; но однако

же скоро и опять возобновлялась. Въ такихъ случаяхъ онъ почиталъ себя обязаннымъ сдѣлать нѣкоторыя извиненія гордости и спыдливости Беатрисы; и думалъ, что сіи самыя двѣ причины можетъ быть препятствовали ей примириться съ нимъ. Можетъ быть въ сіи минуты Беатриса предается жестокому отчаянію; потому, что она такъ нѣжно его любила! Если же въ самомъ дѣлѣ переспала пиццать къ нему склонность: то отъ чего почувствовала вдругъ такое опривращеніе къ жизни? Для чего бы, кажется, не осталась ей въ свѣтѣ съ тѣмъ, чтобы наслаждаться молодостию своею и красотою? Для чего убѣгать ей всеобщей къ себѣ привязанности? Можетъ быть она только что сердилась за

мнимое оскорбленіе, заставившее ее усомниться въ чувствахъ своего любовника; и въ такомъ случаѣ необходимость ея не замедлила возбудиться, особенно когда она будетъ увѣрена въ его искренности.

Цезарь удивленъ былъ тѣмъ, что мысли сіи прежде не пришли ему въ голову; — и еще болѣе, что Жіованни ничего подобнаго не сообщалъ ему. Тутъ были по его мнѣнію очевидныя доказательствва; ибо Беатриса никогда ни къ кому другому кромѣ его не показывая привязанности, хотѣла однако же въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ заключиться въ монастырскихъ стѣнахъ! Сей внезапный лучъ надежды совершенно ослѣпилъ Цезаря; и попому, не могши сдѣлать другихъ заключеній, онъ видѣлъ только щастливое

свое съ нею примиреніе. Въ одну минуту позабывъ всё заблужденія Беатрисы, всё разсужденія Жіованни и собственныя свои: онъ рѣшился прибѣгнутьъ къ услужливости Синьора Кальвы.

Воспріавъ всю свою веселость, Цезарь перемѣнилъ путь и пошелъ къ загородному дому двоюроднаго брата Беатрисы.

Онъ нашелъ дома Синьора Кальву одного; потому что жена его была въ Генуѣ. Цезарь въ короткихъ словахъ извѣстилъ ему прозъбу свою, и Синьоръ Кальва предлагая свои услуги, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, чтобы узнать подробности все дѣло.

Особенно онъ весьма любопытствовалъ о томъ, что говорилъ Жіованни въ разсужденіи Беатрисы; и при каждой

новой подробности пожималъ плечами, или качалъ головою съ значущимъ видомъ.

Синьоръ Кальва былъ изъ числа тѣхъ добрыхъ людей, которые хорошо видятъ предметы съ одной стороны, но которые не имѣютъ довольно тонкости, чтобы различить все въ цѣломъ. Онъ судилъ о произшествіяхъ и характерахъ по собственнымъ своимъ правиламъ; и такъ какъ взоръ его не могъ проникнуть далѣе обыкновенныхъ поступковъ людей: то онъ весьма часто ошибался. Характеръ Жіованни Цигала далеко превосходилъ границы его понятій; почему ему казалось гораздо легче предположить, что дружество сего послѣдняго къ Цезарю уступило обольщеніямъ молодости и красоте, нежели во-

образить, что молодая и столь
хорошо воспитанная особа,
какъ Беатриса, разорвала связь
свою съ однимъ любовникомъ
съ шѣмъ, чтобы завлечь въ сѣ-
ти свои другаго. Такимъ обра-
зомъ думая замѣнить, что
Цезарь обманувъ болѣе дру-
гомъ, нежели любовницею, и не
сомнѣваясь въ томъ, чтобы онъ
не былъ обманутъ обѣими:
Кальва почелъ себя обязаннымъ
увѣдомить его о сей двойкой
измѣнѣ съ шѣмъ, чтобы до-
ставить ему средство ош-
мстить въ рокомнымъ, разор-
вавъ связь съ дѣвицею и посту-
пивъ съ соперникомъ своимъ съ
презрѣніемъ, какое сей заслу-
живалъ. Съ наилучшимъ намѣ-
реніемъ онъ весьма дурно по-
ступилъ! Ахъ! сколько должно
быть осторожнымъ тогда, ког-
да позволяешь себѣ разрушать

согласіе двухъ друзей! Долго должно размышлять, разсматривая со всѣхъ сторонъ характеръ того человека, котораго подозрѣваешь, потому что въ такомъ случаѣ не должно говорить о своихъ предположеніяхъ, когда не удостовѣренъ въ истинѣ! Синьоръ Кальва не имѣлъ другой поруки своихъ мыслей, кромѣ пустыхъ замѣчаній и странныхъ заключеній; однако же онъ нимало не поколебался выразить о нихъ и посѣять плевѣлы между двумя сердцами, которыя до сего времени питались только взаимною дружбою и довѣренностію.

„И такъ вы говорите, что Синьоръ Цигала подалъ вамъ и Беанприсѣ совѣтъ признасться въ любви своей Матѣри?“
 „Замѣтилъ онъ сухимъ тономъ.“

Однакожъ кажется мнѣ, онъ легко бы могъ предвидѣть послѣдствія, могшя произойти отъ сего поступка; попому, что Маркиза имѣя причину отвергнуть вашу прозьбу, стала бы сердиться за шайну, которую вы отъ нее хранили о любви вашей. Признаюсь, что въ совѣтѣ семъ я ниче о не вижу разсудительнаго; но можетъ бытъ онъ думалъ, что такъ какъ не имѣли причины запрещать ему входа въ домъ, въ случаѣ если бы съ вами это сдѣлали: то онъ могъ бы взять на себя трудъ доставлять шууда ваши любовныя письма? . . . Цигала не совѣтуетъ вамъ также, говорите вы, примириться съ Беатрисою и находить лучшимъ, чтобъ вы совершенно отказались отъ нее и вѣхали въ Мальпу; . . . но од-

накожѣ послѣ всего этого самъ еще не ѣдетъ, а оспается въ Генуѣ, чтобъ быть въ домѣ Графа Карега на празднествахъ; а я право до сего времени не почипалъ его любителемъ оныхъ!“

Синьоръ Кальва часто останавливался въ продолженіи сей рѣчи, бросая на Цезаря выразительные взгляды — и окончилъ оную значущимъ тономъ.

Сердце Цезаря было отъ природы неспособно къ подозрительности; и потому, не могши ничего понять изъ большихъ выпуклыхъ глазъ Кальвы, онъ просто отвѣчалъ ему: „Жіованни послѣдуетъ за мною, когда сіи празднества кончатся. Онъ не согласенъ, чтобъ я старался помириться съ Беатрисою; потому, что слишкомъ строго судитъ о странныхъ

ея поступкахъ; но можетъ быть сужденіе его и справедливо! Надобно однакожъ признаться: онъ до такой степени ею не доволенъ, что я даже предполагаю: совершенно не желаетъ, чтобъ мы съ нею помирились.“

— „Я въ этомъ нимало не сомнѣваюсь,“ замѣтилъ Кальва — и ожидалъ отвѣта Цезаря; но такъ какъ сей, будучи погруженъ въ размышленія, никакого не сдѣлалъ; то онъ продолжалъ:

„Если я беру на себя обязанность быть вашимъ посредникомъ, Синьоръ Адимарій; то покорнѣйше прошу сказать мнѣ, какія мнѣ предложитъ ей условія? Будете ли опять требовать, чтобы она призналась матери во взаимной вашей

Мал. Рыц. Ч. II. Ф 2.

склонности, или предоставите это на ея волю?“

— „Ахъ! ничего — ничего такого не говорите, чтобы могло произвестъ въ Беатрисѣ безпокойство, или совершенно разлучить насъ. Скажите ей, что я всему себя подвергну: — готовъ выдержать покаяніе самое строгое и всю жизнь провести въ ожиданіи: лишь бы только она оставила мнѣ малѣйшій лучъ надежды! Ахъ! пусть она возвратитъ мнѣ свое сердце, пусть позволитъ умереть, — излить душу мою у ногъ ея!“ Цезарь остановился, стыдясь своей глупости; — Синьоръ же Кальва, положивъ руку на плечо молодого человека, съ сожалѣніемъ о его сраданіяхъ, и о томъ, что онъ былъ до такой степени легковѣренъ, сказалъ:

„Для меня весьма огорчительно, что я не только не могу подать вам надежды въ успѣхѣ, но даже не думаю, чтобъ посѣщеніе мое Беатрисѣ имѣло какое нибудь надъ нею дѣйствіе. Мы съ женою давно уже подозрѣвали, что она перемѣнила предметъ своей склонности; но теперь я въ томъ совершенно увѣренъ. Это-то самое подозрѣніе и заставило насъ пріѣхать въ загородный домъ.“

— „Перемѣнила предметъ склонности!“ вскричалъ удивленный и смущенный Цезарь. „Вы вѣрно шутите! Кто же тотъ мужчина изъ нашего общества, которому она отдаетъ преимущество предъ прочими?“

„Кто тотъ мужчина, которому она столь часто проща-

ла сомнѣнія его на щетъ искренности ея къ вамъ любви? Кто тотъ мужчина, которому она позволяла досаждать себѣ, противорѣчить, и даже можно сказать, управлять собою?

„Ахъ! вскричалъ Цезарь, подходя къ нему съ послѣшностью, прошу васъ, государь мой! быть осторожнѣе въ словахъ. Сказавъ сіе, онъ взялся за мечъ; желая какъ бы по предчувствію отмстить за клевету на друга своего.“

„Я уже кончилъ,“ сказалъ Синіоръ Кальва, разстроенный симъ движеніемъ, и починая оное неблагодарностію. „Въ прочемъ я въ этомъ не принимаю никакого участія; со временемъ все само собою объяснится.“ Сказавъ сіе онъ отворилъ рѣшетчатую дверь, и ушолъ въ садъ.

Цезарь приведенный въ негодование, съ минутой пребылъ неподвиженъ; но потомъ пораженный ужасными воспоминаніями догналъ ёго. „Извяснитесь!“ вскричалъ онъ; я требую, чтобъ вы сей же часъ извяснились! Какое адское подозрѣніе хотѣли вы внушить мнѣ? Чтобъ Жіованни могъ быть вѣроломнымъ! Жіованни! . . . . Говорите, государь мой! . . . .“

— „Я не имѣю достовѣрныхъ доказательствъ; но могу однакожъ засвидѣтельствовать, что одно другаго споимъ! Можете ли спокойно выслушать эти подробности?“

„Я спокоенъ!“ сказалъ Цезарь приложивъ руку къ волнующейся груди своей. „Продолжайте, государь мой.“ Каль-

ва сѣлѣ на дерновое канапе, а Цезарь возлѣ него.

Тогда первый началъ описывать ему опличное вниманіе, какое оказывалъ Жіованни къ каждому взгляду, и ко всѣмъ словамъ и поступкамъ Беатрисы съ перваго еще ихъ свиданія; прибавивъ къ тому, что съ самаго сего времени онъ и жена его думали замѣчать нѣкоторую холодность въ чувствахъ Беатрисы къ Цезарю. Потомъ описалъ сколько страдала Беатриса, когда услышала о нападеніи разбойниковъ, прося Цезаря вспомнить, что первыя ея слова, когда она пришла въ чувства, не къ тому относились, чтобъ радоваться, что онъ былъ въ добромъ здоровьи; но заключали въ себѣ прямой вопросъ о другѣ его. Сказавъ сіе Синьйоръ Кальва,

положилъ руку свою на руку Цезаря, который вздрогнулъ какъ бы отъ электрическаго удара; переѣбнился въ лицѣ, но не произнесъ ни слова.

Потомъ Синьоръ Кальва напомнилъ о странной сценѣ, происшедшей между ею и Жюванни въ Сентъ-Пьеръ д'Арена.“ Я незнаю, прибавилъ онъ,“ что было между вами и Беатрисою, когда вы остались одни; но не сомнѣваюсь, что вы и шутъ не нашли чего нибудь такого, чтобы совершенно могло оправдать мои подозрѣнія.“

Тутъ множество воспоминаній возродилось въ душѣ Цезаря, и онъ не смѣя ни на одномъ изъ нихъ остановиться сказалъ: „Я не могу припомнить.. не хочу даже и думать о

помѣ. . . . . Довольно . . . . . ради Бога довольно ! “

Тутъ , вспавши поспѣшно , онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по аллеѣ ; но вскорѣ возвратившись къ Синьору Кальва , просилъ его продолжать .

Кальва съ своей стороны уже раскаяваясь въ томъ , что сдѣлалъ ; не хотѣлъ ни слова болѣе говорить о семъ предметѣ ; но неперпѣливый Цезарь не слушалъ никакихъ представлений ; почему Кальва думая , что исполнялъ свою обязанность , и превозмогши то , что почиталъ въ себѣ слабостію , продолжалъ и оспальныя доказательства вывелъ изъ того , что узналъ отъ самаго Цезаря : п. е. изъ удобства , съ какимъ Беатриса уступала представлѣніямъ Жіованни ; изъ чрезмѣрнаго отвращенія ея

признаться въ любви своей къ Цезарю, которое сдѣлалось еще сильнѣе съ того времени, какъ она познакомилась съ Жіованни; наконецъ самое намѣреніе ея ийти въ монастырь, Кальва почтпалъ послѣднимъ средствомъ остающимся дѣвицѣ, которая не смѣя сдѣлать того, что желаетъ, ни мало не думаетъ однако же исполнить настоящую свою обязанность.

„Но во всемъ этомъ я не вижу ни мало вѣроломства Жіованни,“ вскричалъ Цезарь, вступаясь, такъ сказать за послѣдній предметъ, который оставался ему послѣ потери Беатрисы, бывшей до такой степени для него драгоценною; „если Беатриса въ самомъ дѣлѣ. . .“

— „Однакожъ вы вѣрно не думаете, чтобъ сердце Беатрисы . . .“

Мал. Рыц. Ч. II. X

рисы само собою переѣнилось? Имѣйте лучше мнѣніе объ ней и о себѣ. Мы должны предполагать, для чести нашего пола, что страсть друга вашего первая преступила границы, въ которыхъ онъ старался ее удерживать. “

— „Моего друга! Жіованни!“

— „Страсть рыцаря Цигала доказывается тѣмъ, если только вы припомните: что онъ безпрестанно старался отвращать васъ отъ Беатрисы. Мушина не долженъ надѣяться наипи слишкомъ много разсудка и благоразумія въ женщинѣ; припомъ же могъ ли онъ искренно осуждать такое прелестное и избалованное творенье, за небольшую вътренность, которую онъ столь же-

споко порицалъ въ ней? Какъ вы могли быть ослаблены до такой степени? Не очевидно ли, что требуя отъ нее того, чтобъ она призналась матери въ чувствахъ своихъ къ вамъ, онъ имѣлъ единственную цѣль, чтобъ запресли вамъ входъ въ домъ? Они не имѣли даже терпѣнія дожидаться, и связь съ вами разорвана подъ самымъ пустымъ предлогомъ! Вы будете теперь искать славы и опасностей, а Синьоръ Цигала остается въ Генуѣ; потому, что онъ долженъ видѣться симъ вечеромъ съ Беатрисою въ домъ Графа Карета; я васъ могу въ этомъ увѣришь. “

„Это ложь!“ вскричалъ Цезарь вскочивши съ мѣста; чувствуя поспешенно сомнѣнiе, увѣренность и наконецъ от-

чаяніе. Но минушу спустя , онъ пошатнулся и принужденъ былъ прислониться къ дереву; — долго пробылъ онъ въ такомъ положеніи, ничего не чувствуя.

„Естьли бы я былъ человекъ горячій,“ сказалъ Кальва, когда Цезарь пришелъ въ себя „то слова вами произнесенныя, были бы пагубны одному изъ насъ; — но я все извиняю вамъ Адимарій, въ вашемъ положеніи. Сожалѣю только, что вмѣшался въ это дѣло: Вы знаете съ какимъ усердіемъ я и жена моя старались услужить вамъ, и двоюродной нашей сестрѣ. И такъ будьте увѣрены, что мы не показали бы столько холодности къ Беатрисѣ, со времени болѣзни ея матери, еслибъ не видѣли, что она васъ обманываетъ; — сколько

потому, что я уже объяснилъ вамъ, сколько же и по другимъ маловажнымъ случаямъ, которые женщины скорѣе насъ замѣчаютъ; потому, что они понимаютъ смыслъ каждаго слова. Я увѣренъ, что Синьоръ Цигала человекъ благородный; увѣренъ, что онъ всю дѣлалъ, чтобы преодолѣть страхъ, которой однакоже превосходнѣйшіе его философы не могли сопротивляться; а онъ имѣетъ плоть и кровь; очень трудно защититъ себя отъ взоровъ Беатрисы, особенно когда глаза ея выражаютъ любовь! . . . “

„Я бѣшусь!“ вскричалъ Цезарь, „кажется этаго довольно. . . . Но постойте! скажите мнѣ. . . . когда же они назначили себѣ свиданіе?“

Мал. Рыц. Ч. II. X 26

Синьйоръ Кальва повторивъ все имъ сказанное, прибавилъ одно обстоятельство, которое открыло ему объ этомъ свиданіи. Поутру женщина, коюрой Синьйора Кальва заказывала платье, ошибкою прислала костюмъ цыганки, выбранный Синьйорою Бриньолеппи. Когда она пришла за симъ костюмомъ, то просила Синьйору Кальву никому о томъ не сказывать; пошому, что молодая дама боялась, чтобъ не сочли не пристойнымъ того, что она ѣдетъ на балъ въ домъ Каретовъ въ то время, когда масть ея еще не совершенно выздоровѣла.

Беатриса такъ привыкла къ сему роду увеселеній, что сегодняшній балъ не могъ имѣть другой для нее пріятности, кромѣ присутствія тамъ Жю-

ванни, и невѣроятно было, чтобъ она рѣшилась вѣхатъ шуда одна, не уговорившись напередъ съ нимъ. — Это обстоятельство казалось очевиднымъ. — Цезарь остался неподвиженъ тѣломъ, но за то душа его перелетала съ быстротою молніи отъ одного случая къ другому; наконецъ онъ вскричалъ твердымъ голосомъ:

„Я хочу имѣть доказательство, и меня ничто не можетъ убѣдить кромѣ оныхъ. Ничему не повѣрю, пока самъ не увижу ихъ вмѣстѣ. Благодарю васъ, Синьоръ Кальва! и нисколько не сомнѣваюсь въ вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ; но и вы также можете ошибиться! Не сердитесь на меня, если я хочу удостовѣриться собственными своими глазами. Еспь-ли Жуванни вѣроломъ, еспь-

ли хотя въ одномъ только случаѣ онъ обманулъ меня: то я опиваюсь онъ неба и спану обожанъ дьявола. “

„И такъ вы намѣрены быть въ домъ Карегга? спросилъ Кальва: я шуда буду сопровождать васъ; маски наши не дадутъ насъ узнать; припомъ же нѣтъ никакого грѣха, всѣми средствами старайся открьтъ истинну. “

Они условились. Синьоръ Кальва думалъ, что честь его пострадаетъ, если не докажетъ истинны словъ своихъ; а Цезарь находился въ припадкѣ, которой заставляетъ несчастнаго искать того самаго, чего онъ опасается. Положили: чтобъ Синьоръ Кальва ѣхалъ въ Геную къ женѣ своей, какъ онъ уже въ томъ съ нею и условился, и приготовилъ для

Цезаря маску и домино, чтобъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ домъ Карега. Тамъ они должны были разстаться и каждый съ своей стороны подслерегать двухъ особъ, коихъ поступки долженствовали или разсѣять, или оправдать ихъ подозрѣнія.

Г Л А В А X.

Обстоятельства, приведенныя Синьоромъ Кальвою, чтобы доказать о связи существовавшей между Беатрисою и Жіованніемъ, утверждены были собственными воспоминаніями Цезаря. Вліяніе на нее Цигалы и всѣ безразсудные поступки Беатрисы теперь весьма были понятны, и потому строгость

друга его не имѣла ничего чрезвычайнаго. Очевидно было, что и шопъ и другая играли свои роли. Беатриса любила Жіованни, а сей платилъ ей взаимною страстію. Цезарь говорилъ самъ себѣ, что онъ легко могъ бы простить другу своему сію страсть, естлибъ только сей послѣдній ему въ оной откровенно признался; — но стараясь отшоргнуть его отъ любовницы, припворясь, что сердится на нее за мало-важныя погрѣшности; — и сдѣлавъ заговоръ, чтобъ удалить его отъ дому Маркизы: — было въ глазахъ Цезаря такое вѣроломство, котораго ни дружба къ одному, ни любовь къ другой, не могли заспавить его позабышь. Однако же еще возможно было, что Жіованни, проклиная свою слабость, могъ

отказаться отъ счастья, которое долженствовала купить цѣною крови своего друга. Можетъ быть и сама Беатриса предпочитала, лучше на всегда заключиться въ монастырѣ, нежели вонзить кинжалъ въ то сердце, надъ которымъ владычествовала. Очень могло статься, что свиданіе назначено было ими сегодняшнимъ вечеромъ съ тѣмъ только, чтобы на вѣки проститься; и Цезарь чувствовалъ, что въ такомъ случаѣ онъ могъ еще надѣяться наслаждаться счастьемъ: потому, что не пересталъ бы почитать особъ, къ которымъ чувствовалъ искреннѣйшую привязанность. Въ самомъ дѣлѣ, любовь и дружба столь глубоко вкоренены были въ его сердце, что не могли быть испор-

гнушы изъ онаго съ одного разу. Лишь только мысль сія вселилась ему въ голову, какъ романическое желаніе показать себя великодушнымъ прошивъ жестокости друга и любовницы, возстала въ его сердцѣ, и успокоила на время волненіе онаго. Онъ рѣшился увидѣться съ Жіованни, и узнавъ изъ отвѣта его, въ самомъ ли дѣлѣ онъ и Беатриса питали другъ къ другу взаимную склонность, уступилъ ему свою любовницу.

Исполненный мнимою надеждою на свое мужество, и не думая о томъ, сколь мало согласенъ былъ съ самимъ собою, Цезарь пошелъ въ замокъ Нерви. По мѣрѣ приближенія къ оному воображеніе нарисовало ему разноцвѣтными красками сцену, долженствующую про-

изойши; но естлибъ онъ могъ въ сію минушу размышляшь, то увидѣвъ свое заблужденіе призналъ бы, что чувствва, коимъ теперь предавался, вѣншены были не еполько желаніемъ, сколько энпузіазмомъ, возраждаемымъ мыслию о великодушномъ пожертвованіи, которое хотѣлъ сдѣлать и тайною надеждою. Онъ представлялъ себѣ движеніе горести и дружбы, которое ощущалъ въ своемъ сердцѣ, и думалъ видѣть Жіованни побѣжденнаго его великодушіемъ. Сцена оканчивалась побѣдою добродѣтели надъ двумя сердцами, которыя приведены были въ заблужденіе слѣпою спраспію, и Цезарь возвращалъ любовь Беатрисы. Такимъ образомъ сіе пожертвованіе было ничто иное, какъ мечта, которую

не можно ощущать, не испытавши власти любви — и слабостей молодости.

День былъ уже въ половинѣ, когда Цезарь говорилъ съ Синь-іоромъ Кальвою: слѣдовательно еще позже пришелъ онъ въ Нерви, — и не заспалъ тамъ Жіованни: Слуги сказали ему, что господинъ ихъ въ Генуѣ, и возвратится уже послѣ балу Графа Карега. Цезарь, приведенный въ досаду, спѣшилъ въ Геную. Тамъ опивѣчали ему, что Жіованни нѣтъ дома, и не могли сказать навѣрное: былъ ли онъ на балѣ, или уѣхалъ по случаю записки, поданной ему незнакомымъ чело-вѣкомъ. Мнимое мужество Цезаря примѣтнымъ образомъ уменьшилось отъ перваго препятствія, но это об-

Стоятельство совершенно оно испребило. Сія записка несканнаннымъ образомъ его мучила, пошому чшо онъ предполагалъ оную отъ Беатрисы, которая назначала часъ свиданія у Графа Карега. Слѣдовательно они не имѣли намѣренія дѣлать жертвѣ; — имъ однимъ только хотѣли пожертвовать! При сихъ мысляхъ романическая мечта, которую онъ пибалъ съ такимъ трудомъ, вдругъ исчезла, — и несчастный Цезарь въ смущеніи своемъ не зналъ даже, въ которую сторону долженъ былъ ийти.

Находясь въ такой нерѣшимости, встрѣтился онъ съ Синьѳромъ Кальвою, который угадывая, что происходило въ душѣ его, не спалъ съ нимъ говорить. Съ самой встрѣчей

ихъ, до той минуты, когда должно было итти на балъ, Цезарь не прерывалъ молчанія. Цѣлой день провелъ онъ съ Синьоромъ Кальвою, потому что жена сего послѣдняго находилась въ числѣ особъ, принадлежавшихъ къ Церемоніи бракосочетанія. Тщешно Кальва покушался два или три раза извлечь Цезаря изъ задумчивости; но наконецъ принужденъ былъ оставить его въ покоѣ. Однакожъ не взирая на свое безмолвіе, Цезарь внимательно слушалъ все могущее утвердить его подозрѣнія, и лишь только пришелъ часъ итти въ домъ Карега, какъ онъ съ нетерпѣливостію надѣлъ маскерадное платье.

Множество масокъ собралось уже въ большой залъ, когда

Цезарь вошелъ въ оную въ сопровожденіи Синіора Кальва. Родственниковъ и знакомые новобрачныхъ оплнчались великолѣпными костюмами. Одинъ только Жіованни одѣтъ былъ просто, но съ опмѣннымъ вкусомъ: въ Испанское платье изъ замшу, богато вышитое жемчугомъ, сверхъ коего надѣта была легкая шолковая маншія небесно-голубаго цвѣта, которая прекрасно обрисовывала стройную его фигуру. Въ ту минуту, какъ вошелъ Цезарь, Жіованни сидѣлъ на ступенькѣ возвышенія, на которомъ находилась новобрачная; онъ прилегъ нѣсколько назадъ поднявши голову въ верхъ, чтобы говорить съ нею: и это положеніе придавало ему чрезвычайно благородный видъ. Сладостное сердечное удовольств-

віе виражалось на его лицѣ; но легкое облако печали помрачало блескъ его глазъ, и дѣлало ихъ несказанно прогашельными. Спраждущее воображеніе Цезаря приписало эпу выразительность любовнымъ мечтамъ, между тѣмъ какъ она происходила только опъ огорченнаго дружества. Въ первый еще разъ взиралъ онъ на Жіованни ревнивымъ окомъ, и никогда фигура его не казалась ему столько прекрасною, какъ въ сію минушу.

„Какъ я могъ быть слѣпъ до такой степени? сказалъ онъ въ полголоса.“ Какъ могъ думать, чшобъ мущина, одаренный столь совершенною красою — былъ не чувствившелемъ къ спраспи, копорую самъ долженствоваль внушати? — и какъ осмѣлился я себя

сравнивать? . . . „Онъ остано-
вился, сраженный унизитель-
ною мыслию, что могъ сожа-
лѣть о женщинѣ, которая пле-
нялась только одною наружно-
стію. Но однакожъ сердце оп-
вѣчало ему: что Жіованни не
только по тѣлѣснымъ, но и по
душевымъ качествамъ весьма
превосходилъ его. — Кальва по-
дошелъ было къ нему, но Це-
зарь съ досадою сказалъ:

„Оспавьте меня, сдѣлайте
милость, мысли мои въ такомъ
безпорядкѣ; я не могу съ вами
говорить теперь.“ Д о б р о й
Кальва исполнилъ его прозьбу;
тотчасъ отошелъ прочь и вмѣ-
шался въ толпу.

Цезарь остался на томъ же
мѣстѣ до того времени, прѣ
толпа масокъ не окружила его
и не прервала его размышле-

ній. Онъ принужденъ былъ перемѣнить мѣсто и взглянувъ на возвышеніе, не нашелъ тамъ болѣе Жіованни. Посмотрѣлъ вокругъ себя, но или колонна, или мраморная группа препятствовала ему видѣть: Почему, завернувшись въ широкое свое домино, онъ рѣшился повсюду искать Беатрису и Цигалу: Не безъ труда однако же продрался онъ сквозь толпу окружающихъ его масокъ, и достигъ длиннаго ряду покоевъ: Пройдя шестую комнату, онъ хотѣлъ уже возвратиться назадъ, будучи исполненъ бѣшенства и нетерпѣнія, потому что нигдѣ не примѣчалъ ни головы Жіованни, превосходившаго ростомъ почти всѣхъ мужчинъ, ни Турецкой шали ^и женспивовавшей скрывать прекрасныя волосы Беатрисы:

Задыхаясь отъ скорого своего шеспя и мученій имъ ощущаемыхъ, онъ не зналъ, на что рѣшиться, какъ вдругъ Синьѳора Кальва подошедши, сказала ему на ухо:

„Я весьма досадою, что мужъ мой говорилъ съ вами о глупой двоюродной сестрѣ моей. — Но такъ какъ это ужъ сдѣлано: то надобно, чтобъ вы своими глазами удостовѣрились въ истиннѣ. Пойдемте въ садъ; около четверти часа будетъ, какъ я видѣла тамъ Синьѳора Цигалу и Беатрису, подлѣ гроба Аретузы.“

Синьѳора ушла не дождав- шись отвѣта; да Цезарь и не въ состояніи былъ онаго сдѣ- лать. Силы его истощились, и онъ принужденъ былъ при- слониться къ одной изъ колоннъ оркестра; но чрезъ нѣскольکو

минулъ одушевленный опчаяніемъ, онъ спѣшилъ продраться сквозь толпу. Синьора Кальва издали наблюдавшая, замѣшила его волненіе и пошла за нимъ: но онъ того не примѣшилъ.

Цезарь вошелъ въ сады, которые по большой части были иллюминированы. Нѣкоторыя аллеи освѣщены были только луною; другіе же блистали отъ разноцвѣтныхъ огней безчисленнаго множества спаканчиковъ. Цезарь съ отвращеніемъ пробѣжалъ сіи послѣднія; достигъ грота Аретузы и никого въ ономъ не нашелъ; вышедши оттуда, онъ осматривался вокругъ себя: — Многіе боскеты представлялись его взору; мрачная аллея изъ дикихъ смоковницъ закрывала

одинъ изъ боковыхъ входовъ
гроба. Не рѣшаясь по копто-
рой ипши изъ сихъ дорогъ,
онъ размышлялъ о томъ, какъ
вдругъ услышалъ шаги иду-
щихъ по аллеѣ, и скоро рас-
позналъ голосъ Беатрисы.

„Нѣтъ, Жіованни,“ говорила
она опчаяннымъ голосомъ, „я
чувствую, что никогда не лю-
била Цезаря. Я ощущала къ
нему только состраданіе и
признательность за его чув-
ства; — можетъ быть сожа-
лѣла о его несчастіяхъ; но ни-
когда не сдѣлала бы для него
того, что теперь для васъ дѣ-
лаю. О! повѣрьте, что я его
никогда не любила.“

При послѣднихъ ея словахъ
Цезарь громко вскрикнулъ, и
поспѣшно бросился; онъ схва-
тилъ за рукоятку мечъ свой;

но желая обнажить оный, наступил ногою на домино — и упалъ поскользнувшись на правѣ мокрой отъ росы. Беатриса, еще прежде сего испугавшись шуму, услышаннаго съ другой стороны, пустилась бѣжать. Жіованни же совсѣмъ не узнавъ голосу своего друга въ безпорядочномъ смѣшеніи множества голосовъ и звуковъ музыки, — нагнулся и поднявъ браслетъ, пошерянный Беатрисою, который могъ бы повредить добродуея имени, естлибъ найденъ былъ къмъ другимъ, — вышелъ изъ саду въ тѣ же самые ворота, въ которые она выбѣжала, чѣмъ найти наемную карету, въ коей пріѣхала.

Въ это время Синьоръ Кальва старался помочь Цезарю, давши одному изъ гостей знакъ

удалить отъ него мечъ, что
потъ и сдѣлалъ непримѣпи-
мымъ образомъ. „Воздержитесь,“
сказалъ онъ на ухо Це-
зарю, не давая ему снимать
маски. „Воздержитесь, изъ
уваженія къ фамиліи Беатри-
сы.“ При сихъ словахъ Це-
зарь вскочилъ и не говоря ни
слова тащилъ за собою Каль-
ву. Скоро пришли они къ оп-
вореннымъ садовымъ ворошамъ,
копорья вели на улицу, — гдѣ
находилось множество слугъ
съ зажженными факелами.

„Они вышли въ эти воро-
шты,“ сказалъ Синьоръ Кальва.

„Вмѣстѣ!“ произнесъ Це-
зарь сквозь зубы. „Я хочу слѣ-
довать за ними до самаго до-
ма.“

Тонъ, которымъ произнесъ
онъ сіи слова, и усилія выр-
Мал. Рьщ. Ч. II. Ч

вапсья изъ рукъ своего това-
 рища, заснавили се: о послѣд-
 няго еще крѣпче держать его
 говоря: что нигуда безъ себя
 его не пущимъ. Цезарь борол-
 ся съ нимъ; но Кальва рѣшил-
 ся его не пускать — и моло-
 дой человекъ принужденъ былъ
 наконецъ уступить и идти
 съ нимъ. Онъ хранилъ упор-
 ное молчаніе, не отвѣчая на
 всѣ убѣжденія Синьора Каль-
 вы, которой совѣтовалъ ему
 успокоиться, или быть равно-
 душнымъ къ потерѣ такого
 друга и такой любовницы.
 Кальва изъяснялся такъ, какъ
 обыкновенно говорятъ, когда
 стараются укротить гнѣвъ,
 возбужденный отъ какой ни-
 будь пустой причины. При-
 вычки видѣть отверженныхъ
 любовниковъ, онъ опасался
 только первыхъ движеній рев-

ности, и пошому почиталъ непремѣнною обязанностию, не позволять обѣимъ соперникамъ вспрѣчатъ до тѣхъ поръ, пока гнѣвъ Цезаря не превратился въ презрѣніе. Цезарь отвѣчалъ только односложными словами; отдавалъ есправедливостъ добрымъ его намѣреніямъ и припворился слушающимъ, хотя въ самомъ дѣлѣ не могъ порядочно различать и словъ. Сдѣлавши такое снисхожденіе Синьору Кальвѣ, онъ всталъ и, стараясь успокоить его, сказалъ: „Позвольте мнѣ теперь удалиться; я хочу отдохнуть. Вы обѣщали дать мнѣ на эту ночь убѣжище, и пошому завтра уже мы посовѣтуемся о томъ, что мнѣ дѣлать.“

Синьоръ Кальва, обманутый спокойнымъ видомъ, который

самые огорченные и даже отчаянные люди, иногда притворно принимаютъ на себя, чтобы омыть всякое подозрѣніе въ разсужденіи пагубныхъ своихъ намереній: — взялъ свѣчу, проводилъ Цезаря въ назначенную для него комнату, и повторивъ свои убѣжденія, пожелалъ ему доброй ночи.

По уходѣ Кальвы, Цезарь заперъ дверь на замокъ. Съ нетерпѣніемъ прислушивался онъ, пока шумъ походки его совершенно исчезъ. Когда все утихло, — онъ почувствовалъ жеспокую радость при мысли: что онъ свободенъ!... свободенъ искать мщенія, котораго жаждало его сердце! Однимъ прыжкомъ перескочилъ онъ съ балкона въ садъ, перелезъ черезъ стѣну, не взирая

на высоту, и пришель
къ дому Жіованни ни разу не
останавливаясь, чтобъ переве-
сти духъ. Не говоря ни слова,
прошелъ онъ мимо слуги, оп-
ворившаго ему дверь. Сей по-
слѣдній зналъ, что онъ другъ
его господина, почему и не
могъ ничего опасаться увидя
его. Цезарь поспѣшно взбѣжалъ
на лѣстницу и вошелъ въ ком-
нату Жіованни:

Сей послѣдній сидѣлъ у сто-
ла, опершись головою на руки.
Волосы его, находившіеся въ
безпорядкѣ; — довольно пока-
зывали волненіе его духа. Онъ
до такой степени углубленъ
былъ въ печальныя свои размы-
шленія, что даже и не слыхалъ
приходу Цезаря. Вздохнувши
изъ глубины сердца; онъ под-
нялъ глаза — и видѣ Цезаря, —

стоящаго передъ нимъ — съ блѣднымъ лицомъ, выразавшимъ вмѣстѣ горестъ и отчаяніе, заспавилъ его вздрогнуть: — Онъ сдѣлалъ восклицаніе, приподнявшись со стула.

„Жіованни ! „ вскричалъ Цезарь, приближась къ нему, и будучи возмущенъ видомъ друга своего, въ уединеніи погруженнаго въ горестъ. Тогда Жіованни узналъ его, и пропянувъ руку, хотѣлъ спросить о причинѣ неожиданнаго его возвращенія, какъ вдругъ замѣтилъ судорожное и страшное препаніе всѣхъ мускуловъ Ади-марія.

„А ! вотъ еще доказательство ! “ вскричалъ сей послѣдній, схвативши со стола браслетъ Беатрисы, который Жіо-

ванни кѣ несчастію поднялъ. Цезарь взглянулъ на браслетъ, и потомъ бросивъ его на полъ, спалъ топтать ногами. „Проклятая вещь.....! а ты вѣроломный! защищайся — естли можешъ,“ продолжалъ онъ принимаясь за мечъ свой, и наступая на Жіованни, но онъ нашелъ только одни ножны; потому, что не замѣтилъ какъ его обезоружили въ саду Карега. Бѣшенство его умножилось отъ сего случая, онъ осмотрѣлся вокругъ себя въ надеждѣ примѣтитъ какое нибудь смертоносное оружіе. Естлибъ въ сію минуту Жіованни имѣлъ тысячу жизней, то они недостыпачныбъ были насытитъ мщеніе Цезаря. Онъ произнесъ ужасныя угрозы, сопровождая оныя яростными взорами и движеніями. Жіованни,

посмотрѣвъ на него съ горе-
стною, но безъ всякой боязни, —
сказалъ наконецъ:

„Ты меня въ чемъ нибудъ
подозрѣваешь . . . ? называешь
вѣроломнымъ; но я ни въ чемъ
противъ тебя не виноватъ.
Ради Бога! успокойся и выслу-
шай меня.“

„Я не хочу терять времени
въ пустыхъ рѣчахъ,“ сказалъ
Цезарь съ гордостію, оппала-
живая его. „Опвѣчай мнѣ: не
ужели не видѣлъ я тебя сего
дня вечеромъ съ Беатрисою въ
саду Графа Карега? Не ужели
не слышалъ любовныхъ клятвъ
вашихъ и ея признанія; — но
я не хочу повторять этаго
гнуснаго признанія. . . . Пой-
демъ. . . .“

— „Цезарь! . . . Естьли уста мои. . . . естьли сердце. . . .“

— „Пойдемъ, пойдѣмъ! теперь не употребишь болѣе во зло слѣпой моей къ тебѣ довѣренности. . . . я все видѣлъ. . . . все слышалъ. . . . Этогъ браслетъ!.. тысячу разъ цѣловалъ я его на рукѣ Беатрисы. Естьли ты рыцарь, то дай мнѣ мечъ, и пусть здѣсь, или оба вмѣстѣ, или одинъ изъ насъ погибнетъ. Чтожъ до меня касается, я не могу пережить этого, да постараюсь также, чтобъ и ты меня не пережилъ!“

— „Выслушай меня, Цезарь, и естьли послѣ того все еще будешь жаждать крови моей, то пролей ее. Призываю небо въ свидѣтели, и докажу тебѣ,

Что никогда я не старался повредить тебѣ въ мысляхъ Беатрисы ни словомъ, ни дѣломъ. Не ужели же союзъ душъ нашихъ будетъ разорванъ женщиною!... Нѣтъ... она принуждаетъ меня къ тому... и я все тебѣ открою... Знай, что любовь ея, кою порою она всюду меня преслѣдовала, воспламененная моею въ ней холодностію...

„Ея любовь! твоя холодность!“ вскричалъ Цезарь съ яростнымъ смѣхомъ. „Гнусный лжецъ!“ сказалъ онъ, приближась къ нему. Вдругъ онъ подымаетъ руку... опускаетъ ее — Жіованни опскакиваетъ съ неожиданнымъ содроганіемъ. Сей ударъ сдѣланный другою рукою, былъ бы смертельнымъ приговоромъ для всякаго чело-

вѣка ; но со стороны несчастнаго, отчаяннаго Цезаря. . . . !
 Жіованни бросилъ на него одинъ только взоръ ! но за по
 какой взоръ ! — и удалился не
 давъ ему времени повторить
 обиду.

Цезарь пребылъ совершенно неподвиженъ на томъ самомъ мѣспѣ, гдѣ оставилъ его Жіованни до того времени, пока приходъ слуги не вывелъ его изъ этого положенія. Увидя сего послѣдняго, онъ вспомнилъ о томъ, что произошло ; но бѣшенство его уже испоцилось, и онъ вышелъ оглянувшись вокругъ себя съ удивленіемъ и помѣшательствомъ.

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ.